

НАТАЛИ ЛАВРУ

18+

ФОРТОЧНИЦА

Натали Лавру
Форточница

«Автор»

2021

Натали Лавру

Форточница / Натали Лавру — «Автор», 2021

Это был идеальный план: залезть в чужую квартиру, когда в ней никого нет, и пожить... Но вот замок парадной двери щёлкнул, я юркнула в окно. Не тут-то было! Треклятые конфеты в карманах помешали мне выскользнуть обратно в форточку, и я попалась. Меня схватили прямо за... за это самое место! Кто бы мог подумать, что для меня, воровки-форточницы, с этого дня начнётся большая любовь?P.S. За юмор в книге автор ответственности не несёт. От автора: лёгкая добрая история со счастливым финалом. Для тех, кто хочет отдохнуть душой.

© Натали Лавру, 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог. Бесславное начало моей истории	5
Глава 1. Конфетный криминал	8
Глава 2. Цветок-предатель и мужчина моей мечты	12
Глава 3. Ловушка для наивной форточницы	15
Глава 4. Батор	18
Глава 5. Не так уж и плохо. Даже конфеты есть...	22
Глава 6. Благими намерениями...	25
Глава 7. Охота на подкроватного монстра	30
Глава 8. Первое свидание и голуби	35
Глава 9. Школьная любовь	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Натали Лавру

Форточница

Пролог. Бесславное начало моей истории

Вы любите ходить в гости? Разглядывать разные вещички, мечтать, что это милое кресло-качалка твоё, а на этой кухне ты каждый день обедаешь...

Побывать в гостях – это как попасть внутрь каталога интерьеров. Потрогать можно, но, как в магазине, всё дорого и не твоё.

Я вот люблю бывать в чужих домах. Когда была маленькая, часто ходила к подружкам в гости. Самое любимое – пить чай с вкусняшками. Конфеты, игрушки, смех – всё то, чего не бывало у меня дома.

А сейчас... Сейчас меня никто не зовёт в гости, поэтому я навещаю вас без приглашения, когда вас нет дома. Я – воровка-форточница. И если вы забыли закрыть окно – тогда я иду к вам!

В далёком полузабытом детстве у меня были мама и папа.

Папа Саша умер от рака лёгких, когда мне было пять, а мама Ира всё время плакала и говорила, что не хочет так жить.

Однажды мама Ира приютила дома бомжа, сказала, что ей невыносимо одной, и дядя Саша будет мне вместо папы. Даже отчество менять не придётся.

Вместе с дядей Сашей в нашем доме появились стеклянные бутылки: зелёные, коричневые, белые. Сожитель научил маму курить красную «Приму», и с тех пор у нас дома стало плохо пахнуть.

Мама дымила прямо дома, даже когда готовила еду или смотрела телевизор. Я так и запомнила её: с вечно тлеющей сигаретой в губах и стаканом в руке.

Однажды я случайно смахнула со стола зелёную бутылку. Та упала и разбилась. Содержимое разбрызгалось по полу.

– Ах ты дрянь ты такая! – завизжала мама Ира.

Она подобрала с пола стеклянную розочку от разбитой бутылки и бросилась на меня. От непоправимого её удержал дядя Саша.

– Уймись, дура! – гаркнул на неё он и отнял розочку.

Я стояла в дверях кухни в оцепенении. Только что мама хотела меня убить. Значит, мама меня не любит. Я ей не нужна. Маме дороже бутылка.

Мне было десять. Сделанные выводы шокировали меня. Пришло первое осознание, что до меня никому нет дела. У моих одноклассников есть любящие родители, а моя мама почему-то меня не любит.

Наутро мама протрезвела и была неправдоподобно добренькой. Она даже позвала меня с собой в ларёк, а я с опаской, но всё же согласилась. Может, мама на самом деле меня любит, а вчера она просто перенервничала?

В ларьке она взяла блок «Примы», бутылку «Балтики» и Чупа-чупс для меня.

– Не хватает двух рублей, – сказала маме продавщица, когда посчитала деньги.

Мама бросила на меня мимолётный мутный взгляд.

– Тогда Чупа-чупса не надо, – ответила она продавщице.

На глазах у меня выступили слёзы.

– Чего уставилась? – сказала мне мама. – Сладкое вредно для зубов. Потом ещё веди тебя к зубному... Перетопчешься. Поешь варёных рожков дома.

С этого дня я перестала любить маму. Не то чтобы совсем, но я больше не пыталась подойти и обнять её, не рассказывала, как дела в школе. Что ей до моих четвёрок и оторванных подошв на изношенных кроссовках?

Мне было около десяти, когда родители стали запрещать подружкам дружить со мной. В школе одноклассники объявили мне бойкот, потому что я «из плохой семьи».

Я не понимала, чем их оскорбляют мои небрежно заштопанные на коленях и пятках колготки. Но раз со мной не хотят дружить – что ж, я как-нибудь сама.

Однако по ночам мне снились уютные, вкусно пахнущие квартиры моих бывших подружек. И конфеты! В снах я запускала руки в вазы со сладостями и рассовывала вкусняшки по карманам.

Увы, утром я неизменно просыпалась с пустыми карманами...

Вместо сладостей я открыла для себя сухое молоко. Как-то мама притащила два пакета, но так и не использовала, потому что ей лень было делать из сухого молока жидкое.

А для меня белый молочный порошок превратился в угощение. Я зачерпывала его ложкой, засовывала в рот и медленно рассасывала. Слюна наполнялась мягким сливочным вкусом, от белой массы на ложечке медленно отваливались маленькие комочки, и я смаковала их. Чем не конфеты? Знай себе запивай тёплой водичкой. И, главное, этих двух пакетов мне хватит надолго, если экономить.

Несколько лет мама меняла одну работу за другой, но отовсюду её выгоняли. Любые траты мне на одежду или школьные принадлежности выливались в скандалы. Мама почему-то во всём винила меня.

После очередного увольнения мама вернулась домой с опухшими сильнее обычного глазами, двумя бутылками бормотухи и пакетом рожков.

Мама Ира накричала на своего сожителя, что он не работает и только пролёживает кости на матрасе (раньше на его месте стоял диван, но мама продала его, когда у нас совсем не было денег).

– Дя Са, – так я звала его, – не давай маме больше пить...

– Хех! – крикнул он. – Смешная ты, Наталка. Как не пить-то, если жизнь такая!

До меня, пятиклассницы, дома никому не было дела. Мамка с горя залпом выпила пойло до дна, потом включила на кухне чёрно-белый телевизор и уснула прямо за столом.

Я потушила дымящуюся в её пальцах сигарету и выключила ящик. Так случалось почти каждый день. Я уже привыкла. Но временами я всё ещё по-детски мечтала о нормальной любящей семье.

Когда мне исполнилось четырнадцать, мама Ира умерла.

Я собиралась в школу и по привычке попыталась растормошить маму. Её тело оказалось твёрдым. Из рта мамы выползла муха и улетела прочь.

– Мама? – зачем-то позвала я, а потом опомнилась и бросилась к лежащему рядом дядьке Саше. – Дя Са! Дя Са! Мама Ира умерла!

Тот неспешно потянулся и сказал:

– Эх, опять в бомжатнике мёрзнуть придётся...

– Дя Са... – захлопала носом я. – Что делать-то?

– Чё-чё! – проворчал он. – Манатки соберу, помоюсь напоследок – и в путь.

– А мне что? – сама не своя от подступающей паники, спросила я.

– А чего тебе? В детдом тебя сдадут. Пороть будут по поводу и без. У них не забалуешь. В восемнадцать выпнут вон. Кому ты там нужна взрослая?

– Я не хочу-у-у в детдом, – завывала я. – Дядя Са! Помоги-и!

Глава 1. Конфетный криминал

Так я оказалась в бомжатнике. Забрала из дома пожитки в два мешка, оставила дверь квартиры открытой, чтобы маму обнаружили, и ушла за дядькой Сашей.

Местные называли бомжатник ласково: гнёздышко. Это был аварийный каменный дом сталинских времён. Окна в нём были забиты снаружи железными листами, а изнутри подоткнуты разной ветошью типа старых тулупов, штанов или пеньки.

Внутри гнёздышка было темно. Только на площадке первого этажа четверо мужчин в хламах жгли костёр и варили в котелке похлёбку.

Молодых, кроме меня, в гнёздышке не было. Зато дядьку Сашку бомжи приветствовали, как родного. Наверное, поэтому мне дали место в одной из самых тёплых хат на втором этаже.

Нашими с дядькой Сашкой соседями были Нинок – женщина неопределённого возраста, и деда Вася – сухонький тихий старичок. Оба беззубые и улыбочивые, воничие, но добрые. Они, в отличие маминогo бывшего сожителя, мне понравились.

Раз в два дня мы маленькой стайкой ходили в соседний, ещё жилой дом, чтобы помыться и постираться у бабы Нюры. Старушка была полуслепая и больная, и из жалости пускала нас к себе. Взамен на услугу мы прибирались у неё дома и варили ей молочную кашу. Жаль, конфет у бедной старушки не бывало.

С того дня, как умерла мама Ира, я бросила школу. Иначе меня нашли бы и отправили в самое страшное место на земле – детский дом.

Почему-то я безоговорочно верила дядьке Сашке, что меня бы там били и унижали. Навидалась я в школе насмешек из-за моей поношенной одежды. Знаю...

Зато к новой жизни я привыкла быстро: еду мы всей честной компанией караулили на заднем дворе магазина «Родина». Продавцы нас уже знали и отдавали всю просрочку нам.

Дядька Саша всю строил глазки толстой продавщице и делал ей комплименты. Она хоть и воротила от него нос, но всё равно улыбалась.

Однажды неподалёку от нашего гнёздышка выгорел дом. Тоже двухэтажный, сталинский. Дело было ночью. Всех жителей вовремя эвакуировали и развезли по ночлежкам. Полиция оцепила территорию и тоже уехала.

Я подумала: вдруг там не всё сгорело? Надо идти, пока другие стервятники не набежали.

Все окна на первом этаже оказались закрыты. Видимо, люди с первого этажа покидали жилища через двери. Сильнее всего горел второй этаж. В каждой квартире окна были нараспашку.

Я залезла по водосточной трубе в самую легкодоступную квартиру.

В платяном шкафу нашла целый склад одежды и возблагодарила небеса за щедрый дар. Затем я пробралась на кухню и в полусгоревшем кухонном гарнитуре нашла... целый пакет расплавленных слипшихся конфет! Да я буду обсасывать каждый фантик, лишь бы дольше почувствовать во рту сладкий вкус, пусть и с ароматом дыма и плавленого целлофана.

Сокровища уместились в три с половиной мешка. Я все их выкинула из окна, а затем прыгнула сама. Всё прошло идеально гладко, как в рекламе лезвий для бритвы.

Так я стала самой богатой в гнёздышке. Новые, слегка подплавленные сапоги, тёплый пуховик с шапкой, ворох штанов, кофт и футболок и... вкусняшки!

Помимо пакета конфет, я забрала печенье, пару шоколадок из холодильника, пакет пельменей и мясо! Настоящее не тухлое замороженное мясо! Это был самый счастливый день на моей памяти. Мы пировали всем гнёздышком.

И пускай вещи были мне велики на три размера, я берегла их и надевала только на прогулки. Это была моя маскировка, чтобы прохожие не догадались, что я бродяжка, и не вызвали полицию.

А ещё есть опасность попасться бродяжным барыгам. Это те, кто заставляет беззащитных бомжей просить милостыню, а потом всё отбирает. Бизнес такой. Правда, я с такими пока не сталкивалась. Это мне соседка Нинок рассказала.

Зима в этот год выдалась лютая. Наше гнёздышко промёрзло насквозь, и чтобы не окочуриться во сне, мы устроили общую лежанку и спали вчетвером. Воняло от моих не слишком чистоплотных соседей крепко, но между вонью и холодом я без колебаний выбрала первое.

Нинок и деда Вася, привычные ко всему, захрапели сразу, как только легли, а я всё не могла принять удобную позу.

Дядька Сашка за моей спиной тоже не спал. Я почувствовала, как его ладонь ребром проехала мне между ягодиц.

– Эй! – прошипела я.

– Эх, хороша! – прошептал мне в ухо дядька.

– Руки убери от меня!

– Да ладно тебе. Мамка-то твоя поговорчивее была. Хочешь, расскажу, что тебя дальше ждёт? – он не дождался ответа и продолжил. – Через год-другой сдашь свою крепость какому-нибудь мерзавцу, который обрюхатит тебя и смоеся. Вот так-то. А я – мужик опытный, не обижу. Да и головастики у меня без хвостов, – и он плотнее прижался к моей спине.

Я ткнула дядьку Сашку локтем, что было сил. Он ойкнул, но не угомонился.

– Дура ты, – с поучительной интонацией зашептал он. – Я, может, тебя уму-разуму научить хочу. Пропадёшь ты, одна-то. Вот, мамка твоя плохо кончила. Хочешь так же?

– Отвали от меня, кобель вонючий! – громче, чем хотела, выпалила я.

Храп резко оборвался. Нинок проснулась.

– А ну руки убрал от ребёнка! – скомандовала она.

Дядька Сашка нехотя переключился на другой край лежанки, подальше от меня. Я ещё долго ворочалась, но под утро спасительный сон сморил меня.

Со смерти мамы Иры прошло два года.

Чем старше я становилась, тем больше росло моё мастерство ползанья по чужим квартирам.

Днём я ходила по дворам и искала дома с карнизамми, где можно забраться в квартиру по стене, пожарной лестнице или водосточной трубе. Второй этап – наблюдение. Обычно я забиралась на чердак соседнего от цели дома и наблюдала за жильцами через вентиляционные окошки.

Благо, чердаки в жилых домах редко закрывались. Чаще всего скобы чердачного люка обматывались проволокой или на них висел ржавый и давно сломанный замок для вида.

Я находила временно пустующие квартиры, в которых хозяева забыли закрыть форточки. Форточки – это мой хлеб. Ибо евроокна, коварные такие, не поддаются открыванию извне.

Нет, я вовсе не бессовестная воровка. Что плохого в том, что я полежу на чьей-нибудь мягкой пружинящей кровати и полакомлюсь сладостями? Для других людей это обычные вещи, а для меня – праздник души и живота. Если у меня не было нормального детства, это ещё не значит, что я не мечтаю о нём.

Я не съем всю еду, только чуть-чуть попробую, как будто меня пригласили в гости. Честное слово, я даже не пытаюсь искать записки, драгоценности или запасные ключи. Настоящую радость мне доставляют только сладости, ну и ещё иногда пюрешка с котлетами.

Главное, не появляться на улице поздно вечером. Не то милиция патрулирует район, могут докопаться и поймать. А там уж и до порога детдома рукой подать.

Однажды я чуть не попалась. Шла себе с разведки в гнёздышко, а впереди они, голубчики в форме. Пузатенькие такие, видно, что любят покушать.

А я вот сегодня сточила только полусохшее надкусанное кем-то яблоко и сухарь чёрного хлеба. Тут ещё этакая неприятность.

Кругом дома и голые деревья. Спрятаться за кустом никак.

Я припустила что есть сил. Голубчики – за мной. Конечно, мне с пустым животом было легче бежать, чем им, только вот быстро устала.

Через двор был жилой пятиэтажный дом и как раз к нему направлялась женщина в дамском сером пальто.

Идея в моей голове вспыхнула мгновенно.

Полминуты, и я влетаю в подъезд за тётенькой. За моей спиной обнадёживающе плачет мощная домофонная дверь.

Бегу вверх по лестнице за своей спасительницей.

– Здравствуйте! БИх! БИх! – говорю ей запыхавшись. – Извините, пожалуйста, вы можете пустить меня в туалет? Ужасно приспичило по серьёзному, а до дома далеко, не дотерплю... – и изобразила самое жалобно-труднотерпимое лицо.

– Ну... – задумалась та.

– Умоляю! – скрючилась я в полуприседе.

И меня впустили в квартиру. Ура! Спасена!

Не то внизу пугающе запиликал домофон...

В туалете я виртуозно изобразила звуки облегчения ртом. Ибо для натурального действия в моём животе было слишком пусто. Эх, вот бы в Голливуде оценили мой талант!

Я обильно напрыскала после себя освежителем с удивительно вкусным апельсиновым ароматом. Век бы нюхала! Жаль, что скоро уходить. А ведь я же почти в гостях!

– Большое вам спасибо! – раскланялась я, для пушшего эффекта прижимая ладонь к груди. – Как я могу вас отблагодарить за помощь? – надо как-то задержаться в уютной квартирке тётеньки. Вдруг милиционеры ещё рыщут по подъезду?

– Нет, что ты, ничего не надо, – ответила моя спасительница.

И тут мой желудок очень громко сообщил, что готов помочь тётеньке уничтожить двойную порцию ужина.

– Ой... – сконфузилась я.

– Тебе снова надо в туалет или это от голода? – задала хозяйка очень правильный вопрос.

– Второе, – жалобно посмотрела на неё я.

– Ну проходи. Котлеты с жареной картошкой будешь?

– С удовольствием! – просияла я и подумала: «Эх, как же хорошо, что голубчики пригнали меня к этой чудесной женщине».

В один прекрасный день я нашла самый нелепый на свете элитный дом. Богачи вообще любят всё нелепое, декоративное и вычурное.

Вот и этот дом, хоть и девятиэтажка, но весь уделанный кирпичным узором. Мечта скалолаза. Так и манит забраться.

Кроме удобных для лазания стен, в доме были самые убогие на свете евроокна, сделанные под старину. Евроокна с классическими форточками и двойными ставнями! Воистину вкусы богачей неисповедимы.

Вдруг моё внимание привлёк инцидент: под окнами бегала девица и ловила падающую из окна шестого этажа одежду. Сверху её осыпал ругательствами разгневанный мужик, а она в

ответ посылая его в... Ну, вы поняли. Я культурная девочка и не стану осквернять свои рот и ум плохими словами.

Вещи всё летели, и девица, как ни старалась, не успевала поймать все. Они хаотично падали на землю.

Очередной предмет моды подхватило ветром и отнесло в аккурат мне в лицо. Это были благоухающие парфюмом леопардовые штаны. Дорогие. Красивые. Яркие. Приятные на ощупь. И я поняла, что это любовь...

– Эй! – завизжала девица. – Они фирменные, с***! Верни-и-и!

Но мои ноги лучше знали, что делать. Они уносили меня прочь от девицы-изменницы и её рогатого бывшего. Никто не догонит нас: меня и мои леопардовые штаны.

В гнёздышке я примерила обнову. Божечки! Они сшиты в аккурат на меня! Чуть зауженные книзу галифе с вместительными карманами по бокам. Ткань стрейч, хоть на шпагат садись. Сама судьба послала их мне в дар. В них никто и не подумает принять меня за бродяжку. Стопудово!

Дом тот, нелепый и расчудесный, я заметила. И принялась разнюхивать, когда кто работает, как часто забывает закрыть окно. Короче, самое скучное.

Деда Вася, сосед по гнёздышку, как-то раз брал меня на рыбалку. Вот там то же самое: сидишь, ждёшь. Непонятно, клюнет рыбёха или нет.

Особо пристально я наблюдала за рогатым мужиком с шестого этажа, тем самым, который выгнал свою кралю. Но он, зараза, сидел дома и пил. Я уж думала навеститься к нему в ампула привидения, но как-то побаиваюсь пьяных...

Зато на четвёртом этаже, прямо под обиталищем рогатого страдальца, окна не горели совсем. На окне одиноко стоял цветок «тёщин язык», значит, в квартире всё-таки кто-то жил. Только этот кто-то не появлялся дома по меньшей мере пять дней. А как же цветок? Кто этот изверг, мучающий бедное растение?

Цветку крупно повезло, что его бессовестный хозяин оставил форточку открытой. Я приду на помощь и полью!

Я отправилась на вылазку рано утром, перед рассветом, когда люди ещё нежатся в постельках и досматривают сны. Самое лучшее время. Тишина и минимум свидетелей.

Четвёртый этаж – ерунда по сравнению с моими прошлыми вылазками. Я и на восьмой взбиралась по балконам. А тут и ребёнок влезет, цепляясь за выпуклый кирпичный узор. Раз-два-три – и передняя часть моего туловища уже в квартире. Только вот бёдра застряли. В последнее время моя филейная часть с трудом пролазит в форточки. Побочный эффект от вкуняшек. Эх...

С трудом пролезаю внутрь, извиняюсь перед цветком, заострённый лист которого случайно угодил мне в нос. Фух!

Прислушиваюсь. В квартире тишина. Только слышно, как тикают часы.

Это была кухня. Идеально чистая, я бы даже сказала, девственная. Вряд ли на ней кто-то готовит.

После ревизии шкафов я всё-таки нашла пакет с конфетами «Няшечка», взяла горсть и рассовала их по ультрамодным леопардовым карманам. Весь пакет брать не стала. Слишком уж это нагло. Я ж в гостях.

«Тэк-с... – потёрла руки я. – Где же лейка?»

Бордовая, под цвет кухне, лейка стояла на верхнем шкафу кухонного гарнитура. Я от души полила изголодавшегося по влаге зелёного товарища и хотела пройти по образцово чистой и прибранной квартире, как вдруг...

Глава 2. Цветок-предатель и мужчина моей мечты

В двери заворочался ключ.

Страх длинноногим пауком устроился у меня на затылке и такой бяк-бяк-бяк лапками мне по шее.

Я поставила лейку на подоконник – возвращать на место не было времени – и метнулась в форточку. Полные карманы «Няшечек» создали мне дополнительный непролазный объём. Как я ни изворачивалась, попа в форточку не пролезала. «Няшечки» упорно не хотели выпускать меня.

Вдруг кто-то с криком: «Куд-да?!» – схватил меня за бёдра и потащил обратно в квартиру.

Я задргала ногами, пытаюсь отогнать от себя мужика, который держал меня за бёдра.

– Уй ты ж... – вырвалось у него, когда моя пятка врезалась ему в лицо. Но попу мою не отпустил и вцепился в неё ещё крепче.

Безуспешно я цеплялась за форточку и тянулась к свободе. Попалась...

Цветочным извергом оказался мужик. Такой весь в доску приличный с виду.

– Ты как сюда залезла? – требовательно спросил хозяин квартиры, держа меня на этот раз за плечи.

«Как-как, не видно, что ли, что через окно?» – проворчала я про себя, а для мужика сделала самое жалобное лицо. Бровки домиком, глазки невинно-виноватые. Вдруг он сжалится и отпустит меня?

– В карманах что? – задали мне второй вопрос.

Я запустила руку в свою леопардовую прелесть и достала шуршащую конфету.

Мужик изогнул одну бровь.

– Остальное доставай! – потребовал он.

Когда все десять украденных помятых конфет вернулись к нему, он лично проверил мои карманы и убедился, что других его вещей при мне нет. Это изумило мужика ещё больше.

– И всё? Ты залезла на четвёртый этаж за конфетами? – поинтересовался он, сменив строгое выражение лица на крайне озадаченное.

Я всем своим видом изобразила раскаяние.

– Лет-то тебе сколько, сладкоежка?

– В-восемнадцать, – соврала я.

А про себя повторяла: «Только не в детдом. Только не в детдом...»

– Что-то не похоже, – усомнился мужик. – А на самом деле сколько?

– Шестнадцать, – наконец, призналась я.

– А родители твои знают, чем ты промышляешь?

Я вспомнила размытый образ папы, вечно пьяную маму и пожала плечами.

– Так... – он упёр руки в бока и задумался. – Что же мне с тобой делать?

– Не вызывайте, пожалуйста, милицию! – взмолилась я. – Хотите, я у вас дома буду цветок поливать и прибираться? Я даже кашу умею варить и рожки!

– погоди-ка, а родители твои где? Допустим, я не стану сообщать в милицию. Но твоим родителям я обязан сообщить. Где ты живёшь?

– Мама с папой это... – я сглотнула, прежде чем произнести трудное для меня слово. – Умерли.

– Эй, – снова строго посмотрел на меня мужик. – Такими вещами не шутят!

– Меня дядя забрал, когда мама умерла. Спилась она. Два года уже как, – рассказала я.

– Не врешь? К дяде тогда веди. Пусть знает, чем ты тут занимаешься вместо школы, – он протянул руку в сторону выхода.

– Не-не-не-не! Только не к дяде! – я представила, как этот с иголки одетый дядечка наносит визит в гнёздышко, и поняла: тогда мне точно грозит детдом. Слёзы навернулись на глаза, и я завывала. – Не на-а-адо...

– Понятно, – вздохнул хозяин квартиры. – Значит, всё непросто у тебя.

– Угу, – закивала я, попутно всхлипывая.

– Сейчас поставлю чайник, и за чаем ты мне всё расскажешь, – сказал он. – Идёт?

Стыдно мне так стало: я чуть не обокрала его, а он мне предлагает попить чая.

– Прости-и-ите меня за конфеты... – жалобно протянула я и снова в слёзы.

– Да ладно, – махнул он рукой. – Я всё равно их не ем. Детям раздаю. Будем считать, что ты у меня в гостях.

Меня словно унесло на райские небеса. Я взаправду в гостях! Да и хозяин квартиры такой... Такой... Вроде не с обложки журнала, а смотришь на него – и готова молить его, чтобы приютил.

– Меня так давно не звали в гости... – пискнула я.

– Звать-то тебя как, гостья?

– Наташа. А вас?

– Константин. И давай на «ты». Мне и на работе «выканья» хватает.

Вскипел чайник. Мы сели пить чай. Я потихоньку таскала «Няшечек» со стола, а Костя прикусывал расколотыми в руке маковыми сушками.

«Няшечки» напомнили мне счастливые деньки из детства, когда я ложками доставала из пакета сухое молоко и рассасывала его. Тот же молочный вкус, только послаще и с мягкой карамелью. Конфетки укладывались в моём желудке приятным грузом, и я разомлела.

– А зачем ты конфеты эти покупаешь, если не ешь их? – поинтересовалась я.

– Их любила моя жена.

– А сейчас, что, уже не любит?

– Она умерла пять лет назад. А я всё по привычке покупаю их. Сам не знаю, зачем...

– Ой, прости... – у меня встрял ком в горле, а во рту приторной сливочной сладостью застряла конфета. Одновременно хочется плакать и нужно жевать, чтобы не подавиться. Во же ж!

– Ничего.

– Моя мама несколько лет плакала, когда папа умер. А потом стала пить... – грустно поделилась я. – Ты молодец, что не спился.

– А тебе повезло, дядя не отказался от тебя.

– Да какой он мне дядя, – махнула рукой я. – Так, хахаль мамин. А как померла она, он пригрозил, что меня отправят в детдом. Ну, я и увязалась с ним...

Константин замер и очень серьёзно на меня посмотрел. И тут я поняла, что сболтнула лишнего.

– Ой... – перед глазами у меня пронеслась дорога в самое страшное место на свете.

Мой собеседник устало вздохнул и прикрыл рукой лоб.

– А давай так: ты меня не видел, и ничего не было. А? – предложила я. – Мне нельзя в детдом...

– Бродяжка, значит? – догадался он.

– Господи, ну зачем только меня занесло к тебе? – снова разревелась я. – Теперь мне конец...

– Странные у тебя представления о жизни, – сказал Костя, не зная, как успокоить ревущую меня. – Думаю, я смогу тебе помочь.

– Правда? – я посмотрела на него, как на своего спасителя. – А как?

– Увидишь. Я отойду на пару минут, – сказал он и поднялся из-за стола. – Надо позвонить по работе.

Я тоже встала. Мне было как-то неловко сидеть одной над россыпью конфет и фантиков. Выкинула в мусорное ведро следы своего нескромного конфетного пира, помыла руки, не то пальцы стали липкими, как у неряшки. Подошла к окну. Подумала: может, смыться, пока есть возможность? Или нет смысла? Константин вроде добрый... помочь обещал.

На глаза мне попался «тёщин язык».

– Предатель! – прошипела ему я. – Стоял тут весь такой вялый и засыхающий. Я тебя полила, а ты... Эх!

– Кхм-гм, – послышалось у меня за спиной. – Разговариваешь с цветком?

– Если бы не он, я сейчас трескала бы твои конфеты на улице, – вздохнула я.

– Всухомятку, – отметил Константин.

И то верно. С ароматным чайком конфеты, как ни крути, вкуснее.

– Сейчас время раннее, магазины и конторы не работают, – сказал он. – Я с дороги и дико хочу спать. Может, и ты немного вздремнёшь? Только сначала помойся.

– Э-э... – я забежала глазами по стенам. Костя, конечно, с виду приличный человек, но предложение помыться звучит как-то... как-то... двусмысленно.

Костя, видимо, понял по моему лицу направление моих мыслей:

– Пахнет от тебя не то чтобы приятно, – поморщился он.

– А это чтобы всякие маньяки не приставали, – ответила я.

– Здесь никто к тебе приставать не будет, – пообещал Костя. – А в грязной одежде я тебя на постель не пущу.

– Да не такая уж она и грязная. Неделю назад в речке стирала, – оправдывалась я. – Вон, и узор на штанах ещё видно.

– Ух... – устало вздохнул Костя и ушёл в спальню.

Вернулся он через пару минут и вынес мне хлопковую женскую пижаму.

– На вот, надень. А твою одежду мы стираем.

Костя научил меня пользоваться стиральной машинкой, принял душ и ушёл спать к себе в комнату.

Я первым делом залезла в ванну с пеной и с непривычки чуть не уснула в ней. До чего же хорошо!

После я повесила постиранную одежду в сушильный шкаф и устроила экскурсию по квартире. Три комнаты, везде чисто и уютно. Наверное, у Кости есть домработница. Хотя... Почему тогда никто не поливал цветок?

Я по привычке пошарила по ящичкам в гостиной и нашла фотографию в рамке, где Костя стоит в обнимку с девушкой. Я догадалась, что это и есть его погибшая жена. Красивая. Похожа одновременно на ангела и на чертовку.

Посмотрела на себя в зеркало, которое заменяло шкафу дверцу. Стою тут в чужой пижаме и бесстыже роюсь в Костиных вещах.

– Ой, прости, – обратилась я к умершей девушке. – Надеюсь, ты не обидишься, что я надела твои вещи. Тебе-то они больше не нужны...

Я убрала рамку обратно и снова посмотрелась в зеркало.

– А я вот на ангела не похожа. Скорее, на чудушко лохматое, – печально вздохнула. – Зато на чистом диванчике посплю! – и плюхнулась в объятия неги и блаженства.

«Вот вроде я в гостях, а чувствую себя как дома», – с этими словами я легла на диван и укрылась тяжёлым пушистым пледом.

Глава 3. Ловушка для наивной фортчницы

Когда я открыла глаза, был уже день, обеденное время.

Надо мной с озадаченным видом стоял Костя в белой футболке и домашних штанах. Весь такой, будто вылез из моей мечты об идеальной семье.

– Ты чего это? – пробубнила я, неохотно отрывая голову от мягкой подушки.

– Да вот, думаю, как с тобой лучше поступить, – ответил он.

– Не надо со мной никак поступать, – нахмурилась я. – Я оденусь, уйду и больше не потревожу тебя. Идёт?

Он покачал головой и сел рядом.

– Ты же наверняка бросила школу. А тебе обязательно нужно учиться, чтобы состояться в жизни. К тому же, судя по запаху от твоей одежды, ночуешь ты где попало, и питаешься чем придётся.

– Наташа нигде не пропадёт, – уверенно заявила я, хотя в душе понимала, что Костя прав. Я бы с радостью вернулась в школу, не к одноклассникам, а именно к учёбе. Да и покушать люблю, чего уж лукавить...

– Верю, но мне хочется, чтобы у тебя были лучшие условия жизни, чем есть. Тем более, если не бросишь ползанье по фортчкам, тебя могут поймать и посадить в тюрьму. А тюрьма куда хуже детского дома.

И это я понимала. Поэтому так тщательно следила за квартирами, в которые собиралась влезть. Надо же было вляпаться...

– Паспорт у тебя хотя бы есть, скалолазка? – осведомился Костя.

– Не-а, – качнула я головой.

– А вообще какие-нибудь документы?

– Ничего нет. Я не знаю, где мамка их хранила. Когда сбегала, думала только о том, чтобы меня не поймали... – ответила я.

– Одежда у тебя не то чтобы приличная, – добавил он. – Давай заедем в магазин и купим тебе новую?

– А чего это ты такой добренький да щедрый? – подозрительно прищурила глаза я.

В то, что Нинок и деда Вася добрые, я верю. А вот Костя... Он богатый. А богатые, они все с подвохом.

Я крепко сомневалась, что Костя рвётся мне помочь бескорыстно.

– Мне очень хочется, чтобы ты обрела свой дом. Ты хорошая добрая девушка, и не место тебе на улице, – ответил Костя.

Складно да ладно, но почему моя филейка чует подвох?

– Ну так что? – спросил он. – Приоденем тебя?

Я сначала пожалала плечами, а потом всё-таки кивнула. Ах, как манит дебютный шопинг в моей жизни... Не то у меня в качестве обуви лыжные ботинки с помойки. Это осенью-то, ага. Зато как в них удобно ползать по карнизам! Подошва твёрдая, угловатая – самое то.

– Но сначала заедем поесть. Не то дома шаром покати, – объявил Костя, и тут я была полностью согласна с ним.

В подъезде, на площадке возле лифта мы столкнулись... С мужичком с шестого этажа и той самой девицей, чьи штаны улетели ко мне. Помирились, голубки.

– Ты-ы-ы! – взвизгнула девица, и её обильно припудренное личико стало похоже на физиономию самурая, с громким кличем рвущегося в последний бой. Когтями она метила мне прямо в волосы, а каблукастой ногой попыталась сделать подсечку, чтобы я упала.

Но мой выдавший виды лыжный ботинок, заменявший скалолазное снаряжение, ловко наступил на её бархатную цырлу и хорошенько потоптался на ней. Руки у меня, не дожидаясь команды от мозга, ринулись на защиту моих и без того многострадальных волос.

– Верни мои штаны, гадина! – вопила девица, ещё не зная, что я одним взмахом руки лишила её накладных ресниц на левом глазу.

Знатная выдалась бы махаловка, но нас растащили с обеих сторон.

– Пусти! – кричала моя противница своему мужчине. – Эта гадина украла мои штаны! – и уже мне: – А ну снимай их, зараза, не то я найду тебя и придушу!

– Они сами ко мне прилетели! – крикнула я ей в ответ. – Значит, они мои!

Двери лифта, в который мужик с шестого этажа утащил свою раскрасавицу, закрылись.

Костя приобнял меня за плечи и вывел на улицу. Мы молча дошли до машины и сели в неё.

Раньше я ездила только на автобусе и в маршрутке. Но это было давным-давно, когда мама ещё была жива.

И вот я сижу на переднем пассажирском сидении иномарки! Да ещё какой! Вот-вот мы поедem, и мне хочется запомнить каждую деталь происходящего, чтобы потом похвастаться соседям по гнёздышку.

– Что это такое было? – спросил Костя.

– А? Где? Что? – не поняла я.

Инцидент с бывшей хозяйкой моей леопардовой прелести мигом забылся, когда я оказалась в чудесном и вкусно пахнущем салоне автомобиля. «Маши-и-инка-а-а!» – ликовало у меня всё внутри.

– Та девушка, что вцепилась в тебя в подъезде... – напомнил Костя.

И я рассказала, как летящие из окна штаны сами выбрали меня. Это была судьба. Просто судьба.

– Купим тебе новую одежду и вернём, – за меня решил мой спутник.

– Эй! – возмутилась я. – Никому я не отдам мою леопардовую прелесть!

– Наташ, Михаил, тот самый, что был с девушкой, работает ведущим новостей и имеет широкие связи. Так что штаны лучше вернуть. А мы купим тебе новые, какие захочешь, чтобы их у тебя никто не попытался отобрать. Идёт?

Я насупилась. Соглашаться не хотелось. Неужели мне придётся распрощаться с моими любимыми штанишками?

Мы остановились возле кафе. И если машиной Кости я была очарована, то, оказавшись в уютном и аппетитно благоухающем местечке, растеряла последние крохи здравомыслия.

«Еды-ы-ы...» – стенало моё нутро.

При виде меню я впала в ступор. Всё такое красивое на картинках! Всё, кроме цен. Салат за двести рублей – это разорение! А мясное рагу за триста пятьдесят – вообще вынос мозга.

«Нет-нет, мы лучше как-нибудь просрочкой из магазина прокормимся, – возопило моё сознание. – Не то век не расплатиться будет... Богатые, они ведь за свои денежки трясутся. Ни копеечки зря не потратят. На то они и богатые».

Костя не внял моему лепету и выбрал обед за двоих. Странно, он вовсе не выглядел, как человек, который переживает из-за денег. Не последние кровные отдаёт, видать.

«Наверное, и правда, богатый, – подумалось мне. – Надеюсь, он не потребует от меня расплату за обед. Не то мне рассказывали, как попрошайки попадают в рабство».

Что мне принесли, я так и не поняла. Тарелка с горкой провалилась в меня как-то слишком быстро, а голод только разыгрался. А вот подоспевшая с пылу с жару пицца стала для меня вишенкой на торте. Такой вкуснятины я ещё в жизни не едала, даже прослезилась от удовольствия.

Костя поглядывал на меня и о чём-то вздыхал. Жалеет меня, что ли? Или задумал какую-то гадость и вдруг устыдился? Эх, говорила мне мама Ира, что за хорошим всегда идёт плохое. А сейчас... слишком уж всё хорошо. Прямо самый счастливый день в моей жизни.

Если цены в кафе заставили меня почувствовать себя неловко, но из торгового центра я готова была бежать, сверкая стёртыми пятками лыжных ботинок.

Неужели люди зарабатывают столько, что им хватает на одежду?

Непреклонный Костя протащил меня по отделам, а услужливые продавцы перетаскали мне гору одежды на примерку. И брючки, и платяшки, и ботиночки... Всё такое красивое, пахнущее швейной фабрикой. Каждая вещь моего размера! Ух, красота!

Вещи упаковали в объёмные пакеты. Я почувствовала себя богачкой. Ну, почти.

«Если мне за всё это придётся расплатиться, то я крупно попала», – волновалась моя филейка.

И не зря.

После шопинга меня ждала знатная подстава.

Костя сказал, что ему нужно заехать по делам в одно место, а меня оставил сидеть в машине.

Моё нутро вопило, что нужно бежать, но я, как послушная и благодарная девочка, осталась ждать.

Потом Костя вернулся и забрал меня с собой. Мне показалось странным, что мы зашли с заднего входа, но всю глубину своего попадалова я поняла слишком поздно.

Меня сдали в детдом!

Глава 4. Батор

Я залилась визгом, начала отбрыкиваться, но без толку. Два дяденьки схватили меня под руки и повели по коридору.

Из-за дверей повыглядывали любопытные моськи моих собратьев по несчастью. Эх, вот и тюрьма...

Костя, гад такой, куда-то смылся под шумок. Чтоб ему как на иголках спалось! Чтобы рога у него отросли, а на лбу вылезла надпись большими буквами «ПРЕДАТЕЛЬ»!

Да как он мог?!

Ждать разговора с заведующей меня от греха подальше посадили в изолятор.

Вообще это место, как мне рвано объяснили, предназначено для внезапно заболевших детей, чтобы они не перезаражали других, пока едет скорая. Но что-то я сильно сомневалась, что изолятор использовался по назначению. Меня, вон, здоровую затолкали сюда.

На бежевых, неровно покрашенных стенах очень атмосферно были нацарапаны прямо-таки трагические надписи: «жить в детдоме – как в *опе гнома», «без рваного г****на не было бы детдома», «скорей бы мне смыться из этой темницы», «будь хоть в стельку ты послушный, мамке всё равно не нужен» и ещё много разных криков души на все лады.

Особенно выделялось на фоне остальных жирное слово «БАТОР». Такое чувство, что над его выцарапыванием трудились коллективно. Слишком уж глубоко, до штукатурки, въелись в стену борозды букв. Такое художество, если и закрасить десятью слоями краски, всё равно будет читаемо. Что нацарапано гвоздём, то не вырубить топором. Видимо, для здешних сидельцев это не просто слово, а ёмкое описание, передающее суть жизни в этом месте.

Вот подозрительно: изоляторные сидельцы специально берут с собой гвоздь, чтобы нако-рять свои измышления, или корябалка припрятана здесь?

Я заглянула под койку – и правда, в щёлке под плинтусом лежит орудие настенного творчества. Кривой и уже изрядно затупившийся гвоздь.

Во у меня смекалочка!

А так как сегодня я осознала одну ранившую меня в самое сердце истину, на стене появи-лась и моя запись: «девчонки не верьте мужикам, они козлы». Получилось криво, но кому надо, тот прочтёт. Обвести каждую букву по второму разу для эффектности я не успела, услышала шаги за дверью.

Меня вызволили из темницы и снова повели по коридору, на сей раз в кабинет к главной по сироткам.

Заведующая, Эвелина Захаровна, оценивающе взглянула на меня из-под очков.

– Ну что, успокоилась, дорогуша? – как-то чересчур высокомерно поинтересовалась она.

– Изолятор у вас довольно усмиряющий, – ответила я.

– Мне сказали, что у тебя нет никаких документов. У нас два варианта: либо найти их, либо сделать новые. Ты знаешь, где лежат твоё свидетельство о рождении, полис и остальные документы?

– Дома где-то лежали, – пожала я плечами.

Пришлось назвать адрес, не то Эвелина Захаровна, похожая на дирижабль, как-то плотоядно на меня смотрела. Ух, не женщина, а гора!

– Полное имя? – продолжила она вопрос.

– Пестова Наталия Александровна, – произнесла я и сама удивилась. Давненько я не вспоминала свою фамилию и отчество. Даже непривычно. Как-будто и не мои вовсе.

– Дата рождения?

– Десятое марта тысяча девятьсот девяносто второго года.

– Как давно бродяжничаешь?

– Где-то два года...

– Сколько классов окончила?

– Восемь. Девятый начала...

– Значит, в девятый и пойдёшь, – заведующая погрузилась в перелистывание бумажек. –

В какой школе?

– В шестнадцатой, – покорно ответила я.

– Пойдёшь в двадцать третью. Все наши дети в неё ходят. Ох, и возни будет с тобой...

– надула и без того пухлые губы Эвелина Захаровна и со вздохом пробубнила себе под нос. –

Но как тут откажешь...

Она спросила меня, в каком городе я родилась, ещё кое-что о родителях, а затем вызвала воспитательницу, чтобы та проводила меня в комнату, где мне предстояло жить.

Меня привели в мою спальню. Ну, то, что она моя, – сильное преувеличение. Там уже жили, судя по наличию кроватей, двое таких же несчастных, как я.

На одной из кроватей сидела девушка примерно моего возраста. Смуцал только ребенок у неё на руках, которого она кормила грудью.

– Привет, – соблюла приличия я.

– Привет, – на удивление радушно отозвалась она. – Новенькая?

– Типа того. Но это ненадолго.

– Думаешь, заберут тебя?

– Нет. Сбегу просто.

Собеседница неподдельно изумилась:

– На фига?

– Ну, чтобы не били и не издевались... – пожала я плечами.

Девушка тихонько прыснула со смеху и ответила:

– Да кому надо тебя трогать? Пф! Скажешь тоже! Сиди на жопе ровно и лопай казённые харчи. Потом-то несладко придётся.

– Тут никого не бьют? – задала самый животрепещущий вопрос я.

– Нет, конечно! Оно им надо? К старшим воспиталки вообще не лезут. К тому же это батор со спонсорской поддержкой. Элитный, можно сказать.

– А я думала, везде бьют... – растерялась от открывшейся истины я. Значит, брехал дядька Сашка. Козлина драный.

Соседку звали Таня, а её четырёхмесячную дочку – Маша. Таня поделилась, что днём, пока она учится в школе, ребёнка приходится оставлять в доме малютки, который находится в соседнем крыле здания. А самой Тане шестнадцать. Она на два месяца моложе меня.

Я задумалась: это, получается, она забеременела в пятнадцать? Ой, божечки... И не страшно ей было?***

Пакеты с одеждой, которую купил мне предатель Костя, стояли рядом с моей кроватью. Я со злостью пнула их. Эх, жаль, что это всего лишь пакеты.

– Ты чего это? – заметила мой жест Таня.

– Да вот... Сдал меня один козёл в детдом... – тяжело вздохнула я, и от воспоминаний у меня многообещающе защекотало в носу.

– Так тебя же вроде Зорин привёз?

– Какой ещё Зорин?

– Ну, Константин Николаевич Зорин. Он лично принёс сюда твои вещи.

«Ах, вот, значит, какая у него фамилия, – взяла я на заметку. – Что ж, врага надо знать и по фамилии в том числе...»

– А ты откуда его знаешь? – сквозь ком в горле спросила я. При мысли об этом предателе лёгкие с сердцем поменялись местами.

– Я точно не знаю, кто он, – Таня мечтательно улынулась. – Но он на каждый праздник дарит нам подарки. Мне вон мобильный телефон на день рождения достался. Новенький! Смотри... – Таня достала из кармана халата телефон-раскладушку. – У него цветной дисплей и даже фотокамера есть!

– Не такой уж он хороший, этот ваш Зорин, – с обидой выдала я.

– А чем он тебя обидел? – спросила моя собеседница, пряча своё чудо техники обратно в карман.

– Сюда сдал, – буркнула я и разревелась.

– Да ладно?! – охнула Таня. – А кто он тебе?

– Ни... – я всхлипнула. – Никто... П-предатель. Гад ползучий...

– Понятно. У нас половина девчонок в него влюблены, – поведала Таня, и по её лицу тут же стало понятно, что она как раз из той самой половины горячих поклонниц.

Вот ведь засада. Такой-то этот Костя в доску положительный. Ага-ага, знаем мы, что он за фрукт!

Мы с Таней и её пухлощёкой малышкой вышли на прогулку. Катали коляску по всему району, и за нами даже никто не следил. Удивительно! Я думала, за мной повсюду будет ходить надзиратель с палкой, и гулять придётся исключительно за забором с колючей проволокой. Но нет! До нас никому не было дела. Хоть сбегай.

– А знаешь, – поделилась со мной Таня. – Я поняла, что хочу работать воспитателем, возиться с детишками. Малыши такие милые, и им нужна любовь.

Я, хоть всего первый день в детдоме, прониклась Таниными мыслями. Мне вот до сих пор не хватает любви. А деткам, которых бросили мама и папа, ещё не слаще. Да где же взять столько любви, чтобы хватило на всех?

– А ты ведь не оставишь здесь Машу, когда выйдешь? – спросила я.

– Не-е! Ты что! – Таня выпучила на меня глаза так, будто я сморозила страшнейшую на всём белом свете глупость.

– Ну, извини. Я рада, что твоя дочка будет расти в семье.

– Да. Правда, я – это вся её семья, – печально сказала она.

– А где Машин папа? – снова задала я неловкий вопрос.

– Где-то, – пожала плечами Таня. – На дискотеке пристал. Я ни лица, ни имени его не запомнила.

– Ох, – моя челюсть не спросила разрешения и отвисла. – А почему ты без любви согласилась этим заниматься?

– Ой, вот зажмёт тебя в углу какой-нибудь ублюдок, поймёшь тогда. Ему будет пофиг, любишь ты его или нет.

– Я без любви не хочу, – активно замотала я головой. – И вообще парни мне не нравятся, – нет-нет-нет, детей мне пока не надо, я ещё сама ребёнком не набылась. Тем более, рожать, как я слышала, дико больно. За свою честь буду драться до последнего!

– Пф! Можно подумать, тебя кто-то спросит! Штаны с тебя стянут – и делов-то, – Таня обратила внимание на мои новые брюки и сменила тему. – Клёвые, кстати, у тебя штаны.

– Ага, – согласилась я и с грустью вспомнила про свою леопардовую прелесть, которую этот гад Костя решил вернуть хозяйке. – Только вот с утра на мне были ещё более классные штаны, но их у меня отобрали...

– Это как так? – с интересом спросила моя собеседница.

И я поделилась с ней историей, как летящие штанишки сами выбрали меня.

– Ну, – Таня сделала умудрённое опытом лицо. – Говорят, если вещь твоя, то она обязательно к тебе вернётся. То же самое и с людьми: если человек твой, то без тебя ему будет никак.

– Классно... – Танина фраза запала мне в душу. – Значит, мои любимые штанишки обязательно ко мне вернуться!

Глава 5. Не так уж и плохо. Даже конфеты есть...

Спалось мне... Да кого я обманываю! Вообще не спалось. Эй, боженька, это я козлу этому желала спать, как на иголках, а не себе! Вот опять ты всё перепутал. И думы, как назло, думаются о том, кто по-свински со мной вчера поступил. Каков подлец! Ну, попадись ты мне...

Полночи плакала Танина Машенька. То ли колики, то ли зубы, то ли ещё что...

– Может, позвать кого? – спросила я, слипающимися от усталости глазами глядя на приплясывающую из последних сил с ребёнком на руках Таню.

– Кого? – чуть не плача, ответила она. – Грыжа у неё, вот и орёт. Они ничего не сделают всё равно. Скажут: «Сама родила, вот и крутись».

– И часто она так кричит?

– Теперь почти каждую ночь. Раньше у меня было две соседки: Катя и Гульнара. Катька выпустилась неделю назад, а Гульнара ушла жить в другую комнату, как только там освободилось место.

– Ясно.

– Так что привыкай. Тебе всё равно некуда идти. В ближайшее время никто не выпустится. Вон, Вовке в мае стукнет восемнадцать, а сейчас ноябрь. Но к парням тебя стопудово не поселят.

Ну, раз мне некуда деваться, придётся как-то приспособливаться. А уж это я умею!

– А можно мне? – я кивнула на Машеньку.

– Уверена? – с сомнением посмотрела на меня Таня.

Я встала с кровати и решительно протянула руки к младенцу. Если честно, понятия не имела, как держать ребёнка и что вообще с ним нужно делать. Зря боялась: Машенька как-то сама взялась и расположилась у меня на руках. Она уже не визжала, как поросёнок на бойне, а просто монотонно ныла.

Таня, передав мне дочку, мешком рухнула на свою кровать.

И вот я один на один с совершенно непонятным мне маленьким существом. Детских колыбельных я не знала, только смутно помнила песенку из телепередачи «Спокойной ночи, малыши», и начала тихонечко подпевать.

– Капец, ты ни в одну ноту не попадаешь, – уже в полудрёме сказала Таня, но вдруг заметила, что слышит только мой голос. – Чудеса...

Машенька, утомлённая ночным ором, уснула. Её личико преобразилось и стало ангельским. Трудно представить, что эта мирно сопящая куклёха только что терроризировала свою маму и меня истошными криками.

Когда я уложила ребёнка в детскую кроватку, Таня уже спала, раскрыв рот и пуская слюни на подушку. Бедняга. Как она ещё успевает учиться?

Этой ночью мне снился Костя. Дурацкий сон, где он позвал меня, а я, доверчивая идиотка, снова пошла за ним. Я вцепилась в его руку и, счастливая, что хоть кому-то нужна, летела, едва касаясь ступнями земли. Забыла все обиды и смотрела на Костю, как та самая группа горячих поклонниц. Очков ещё розовых мне не хватало для полного идиотизма картины.

Наутро я с облегчением выдохнула, что это был только сон. Ибо ни за что и никогда за этим предателем больше не пойду. Да и вообще весь мужской род в лице Кости мне противен.

В этот день я вместе с воспитательницей Ниной Алексеевной отправилась по инстанциям – восстанавливать документы.

В ЗАГСе нашли учётную запись о моём рождении и в экстренном порядке выдали свидетельство о рождении.

Уф! Без Нины Алексеевны я бы застряла в ЗАГСе. Ибо во всяких там свидетельствах, сериях, органах выдачи я – как то самое круглое отверстие в бублике.

Дальше мы забрали из старой школы моё учебное дело и отправились в новую – переводить меня.

Последнее место – паспортный стол. Оказывается, получить паспорт я должна была ещё в четырнадцать, но моей маме было не до того. И вот, за четыре месяца до моего семнадцатилетия, я получу свой первый взрослый документ.

Вечером завхоз выдала мне всё необходимое для учёбы и жизни в детдоме, и я до ночи раскладывала по местам свои вещи и обустраивала рабочий стол. Неплохо. Жить можно.

В это время года в гнёздышке становится некомфортно от холода, а здесь батареи шпарят, постельное бельё пахнет стиральным порошком и утюгом, да в окошках виден свет уличных фонарей. Благодать!

Только вот вторую ночь подряд мне снится тот, имя кому: ПРЕДАТЕЛЬ. Нет, ну это уже слишком! Кыш из моей головы! Ну вот и чего мой глупый мозг вспоминает о нём?

Погорячилась я тогда, пожелав остаться жить в Костиной квартире. Ну, оказался этот мужик не принцем на иномарке, а козлом распоследним. Так всё уже, проехали. Теперь мой дом на год и четыре месяца здесь. Буду учиться в школе и думать о будущем. И никаких там подлецов мне в голове не надо. Кыш, говорю!

На следующий день меня протащили по врачам. Точнее, Нина Алексеевна привела меня в поликлинику, проконтролировала, чтобы мне в регистратуре завели карту, и убежала по своим делам. Бросила меня на произвол судьбы.

И вот стою я посреди коридора с анализами в пакетике, а куда их девать – не знаю. В урну что ли бросить? Все так мельтешат, суетятся, толпятся в очередях, что фиг чего разберёшь.

Вдруг смотрю, парень с такими же баночками в пакетике, как у меня, свернул влево. Я – за ним. Ага, вот, значит, куда надо сдавать продукты жизнедеятельности! И зачем они сдались врачам? Им своих, что ли, мало? Или это такой ритуал откупа, чтобы меня пропустили дальше на медосмотр?

А дальше меня ждали терапевт, флюорография, ЭКГ и всё остальное. С первого этажа на четвёртый, с четвёртого на второй, потом обратно, и так десять раз... Вот откровенно не понимаю, зачем меня, пышущую здоровьем, заставлять сидеть в очереди.

Занявшая за мной очередь бабулька, еле живая, охающая, так жалобно на меня посмотрела, что я пропустила её вперёд. Потом все остальные бабушата, сидящие после меня, смекнули и последовали её примеру. Эх...

Последнего врача я прошла, когда на улице уже стемнело. Ощущения такие, будто я весь день пахала, как конь по весне.

После поликлиники, вернувшись в батор, я опустошила кухню. Съела и суп, и пюре с котлетой, и печенюшками закусила, а напоследок насовала за щёки карамелек.

– Чего у тебя с лицом? – спросила меня Таня, когда я поднялась на второй этаж, в нашу с соседкой комнату.

– Кафеты, – ответила я и плюхнулась на кровать.

Таня куда-то собиралась и одевала Машу. Это показалось мне странным: уже вечер, темно, поздновато для прогулок.

– Куда это вы? – поинтересовалась я.

– Да мы в соседнее крыло, в дом малютки, – сказала Таня. – Хочешь с нами?

– А что вы там делать будете?

– Как что? С детками водиться. Нянечки там зашиваются. Мы вот с Машенькой ходим, помогаем, когда получается.

Видимо, мало я сегодня напomoгалась бабулям...

***Таня привела меня в большую комнату с самыми маленькими. С нами зашла молодая нянечка Алёна Евгеньевна.

– А кто это с тобой? – поинтересовалась у Тани нянечка.

– Это Наташа, моя новая соседка. Тоже вызвалась помочь с детками, – ответила Таня.

– Ну, хорошо. У нас тоже только что новенькую привезли. С заячьей губой, – сказала Алёна Евгеньевна и показала рукой. – Вон там, кровать у стены между окнами.

– Ой-ёй, – вздохнула Таня. – Как её кормить-то?

– Да вот, покормила, и весь халат в смеси, – показала нянечка на свой воротник в желтоватых пятнах.

Пока Таня мило беседовала с Алёной Евгеньевной, я подошла к той самой малышке с заячьей губой. А когда увидела, то моим первым порывом было: сбежать подальше.

До сегодняшнего дня я не знала, что такое заячья губа, а, узнав, захотела развидеть и забыть.

«Ужасно... Это ужасно!» – плакал мой внутренний ребёнок.

Я пересилила страх и осталась стоять над малышкой. Она была гораздо меньше, чем Танина Машенька. Совсем крохотная. Голова с два моих кулачка. На лбу сквозь кожу просвечивает жилка.

– Недоношенная, – слышался нянечкин голос прямо у меня за спиной. – Мамка злоупотребляла. Сразу в роддоме и отказалась. Не повезло девочке.

– А у неё уже есть имя? – спросила я, лишь для того, чтобы не стоять, как немая дурочка.

– Да. Аришка. Деткам с нарушениями стараются давать красивые имена, чтобы у них был хоть какой-то шанс попасть в семью, – ответила Алёна Евгеньевна.

– Значит, у Аришки мало шансов?

– Скажем так: у неё больше шансов, чем у нашего Данилы, у которого синдром Дауна, но меньше, чем у всех остальных.

– А заячью губу лечат?

– Лечат. Но с этим не ко мне. Всё зависит от финансирования.

Таня позвала меня водиться с другими детками, которые, в отличие от малышки-Аришки, не спали. За вечер я научилась всему: кормить, подмывать, переодевать и даже делать детский массажик.

К девочке с заячьей губой я больше не подходила. Но ни на минуту не могла избавиться от мыслей о ней. Боженька, пусть у неё всё будет хорошо...

По дороге обратно в своё крыло я пустила слезу. Темно, никто не видит. А шмыганье носом можно списать на обычный насморк. Всё-таки как жизнь несправедлива к детям.

Перед сном мы с Таней разговаривали о детях. Она сказала, что мне обязательно нужно ещё раз прийти в дом малютки, потому что у меня дар ладить с малышами. А я вот в этом была не уверена. И вообще, моя жизнь так резко поменялась, что голова кругом. Пожалуй, возьму паузу, чтобы над всем поразмыслить.

Не сказать, что в детдоме мне хуже, чем в гнёздышке, но, чувствую, плакала моя свобода.

Нинок с дедой Васей наверняка переживают, куда я запропастилась. Они ведь оба такие переживательные. Надо бы их проведать... А вот по дядьке Сашке не скучаю. Кобель плешивый. Я ему ещё докажу, что не стану, как мама, и не дамся в лапы какому-нибудь козлу! И всё у меня будет хорошо!

Кстати, о козлах... пусть только попробует снова мне присниться. Всё. Не думаю о нём. Не думаю.

Глава 6. Благими намерениями...

А на следующий день я в первый раз пошла в школу! В девятый класс, где я старше всех на год или два.

Школа была всего в километре от детского дома, так что я, прибившись к стайке сирот, ходила пешком. Младших водила в школу воспитательница, а старшие ходили кто кучками, кто по одиночке. А мне страшно было идти одной. С мелкашами и воспитательницей оно как-то поспокойнее.

Таня училась на класс выше меня и уроки у нас совпадали редко: то ей к третьему уроку, то мне ко второму. Так что вместе мы ходили только по пятницам, а после раздевалки разбредались кто куда и почти не пересекались.

***В классе я одна была детдомовская. Когда я впервые вошла в кабинет и села за парту, за моей спиной зашушукались. Мне всё казалось, что во мне что-то не так: может, петух вылез на голове или я где-то нечаянно испачкала белую блузку. Одежда-то на мне красивая, дорогая, козлом купленная. Вряд ли она стала предметом шушуканий.

Учебников в первый день мне выдали столько, что они заполнили весь рюкзак, да ещё в руках пришлось нести.

Вернулась я в свою комнату с языком на плече, сгрузила тяжесть на стол и только хотела плюхнуться на кровать, как заметила на ней пакет.

Таня, которая вернулась из школы раньше, сидела за своим столом и делала уроки.

– Это тебе просили передать, – сказала она.

Я заглянула внутрь, а там... а там...

– Моя пре-е-е-елость! – чуть не плача, воскликнула я.

Они, они, родимые! Леопардовые, с карманами!

Я достала их из пакета и обняла, как самое родное существо на свете. Права была Таня: моё ко мне обязательно вернётся.

– Ого, какие клёвые! – оценила штанишки Таня. – Дашь погонять?

– Э-э... – не то чтобы я была жадиной, но делить с кем-то мою леопардовую прелесть мне как-то не хотелось. – А, может, я тебе другие свои брючки подарю? – предложила я.

– Ну хоть примерить-то дашь? – Таня сделала щенячьи глазки. Видать, все сироты профессионально умеют жалобно, умоляюще смотреть. Как тут не уступить?

– Примерь... – вздохнула я.

Таня бодренько выскочила из-за стола и выхватила из моих рук штаны.

– О, они совсем новые. Вон, бирка внутри, – заметила она.

– Да? – изумилась я. – И правда... – только теперь я увидела различия: потёртостей на коленях нет, затяжка под левым карманом тоже не торчит, а пахнет от них не остатками парфюма и не чердачной пылью, а швейной фабрикой.

«Это что же получается? – недоумевала я. – Костя где-то нашёл такие же и купил мне? И как это понимать? Виноватым себя чувствует? Задобрить хочет?»

Но даже злость на Костю не заставила меня отослать леопардовую прелесть обратно. Я теперь буду беречь их, как зеницу ока, как курочка – коко.

Только я отвлеклась, а моя соседка уже суёт ноги в штанины...

Пуговица с трудом застегнулась на Таниных бёдрах, а ноги ей обтянуло так, что они стали похожи на сардельки с леопардовым принтом. Сама Таня заметно скисла, глянув на себя в зеркало.

– Что-то разнесло меня... Пока не залетела, была, как ты, худышка. А теперь... – и она, раздосадованная, начала стягивать с себя мои штанишки.

Я, конечно, посочувствовала Тане, но в душе возликовала, что соседка больше не будет покушаться на мою прелесть. На мне-то вещица сидит, как влитая.

На душе у меня от полученного подарка стало теплее. А вот козлов всяких прощать не собираюсь! Пусть не показывается мне на глаза. И имя его забуду. Уже почти забыла.

Прошла уже неделя, как я в детдоме, а навестить деду Васю с Нинком все не было времени. Мне даже стало как-то стыдно. Они, хоть и чужие люди, но были добры ко мне. Нинок так вообще честь мою девичью перед дядькой Сашкой отстояла.

«Навещу. Как только выдастся свободный часок, обязательно навещу», – пообещала себе я.

Жизнь была ключом, и мне не давали ни времени, ни повода, чтобы задуматься о побеге. Я никогда не чувствовала себя такой занятой.

А ещё меня отправили на секцию скалолазания. Вот уж не знаю, кто и откуда узнал о моём увлечении, но скалодром – это лучшее, что случилось со мной за всю мою жизнь.

В тренеры мне досталась Саша – девушка года на четыре старше меня. Такая красивая, что я, увидев её в первый раз, залюбовалась и напрочь выпала из реальности. Вот идеал, к которому я хочу и буду стремиться! И дело вовсе не в идеальной внешности, точёной фигурке и потрясной спортивной форме. Саша – человек-гармония. Она занимается любимым делом, тренирует деток, сама заряжается от них и счастлива, потому что чувствует себя на своём месте. Вот бы и мне так же!

Саша выбрала меня сама. Когда я впервые пришла на скалодром и опробовала стенки разной сложности, Саша, посмотрев на меня, практически висящую под потолком, крикнула:

– Я тебя забираю!

– Чего? – не совсем поняла я и, так как дальше ползти было некуда, отпустила руки и начала спускаться вниз на верёвочной страховке.

– Ты точно раньше не занималась скалолазанием? – спросила она.

– Эм... – зависла я, не зная, что ответить.

Сказать ей, что до недавнего времени занималась домолазанием? Что я – воровка-фортчница и суровая охотница за конфетами? Или наплести, что люблю ползать по деревьям? В конце концов я просто покачала головой: мол, нет, скалолазанием точно не занималась. И ведь не соврала.

– Тогда ты просто бриллиант! – просияла Саша и на радостях обняла меня.

«Ух ты! – Сашин восторг передался и мне. – Меня только что назвали бриллиантом!»

В тот же день выяснилось, что у меня прекрасная растяжка, и что на поперечный и продольный шпагаты я сажусь без труда.

Саша посмотрела на меня совсем уж плотно и заявила:

– Значит, так! Ты ходишь и не пропускаешь ни единого занятия! Хоть землетрясение, хоть ураган – ты приходишь! Ясно? Будешь филонить – зароешь талант в землю!

– Ясно... – активно закивала я, счастливая, что я теперь бриллиант, да ещё и талантливая.

В детдом я возвращалась окрылённая. По сути, что ещё нужно для полного счастья? Сытая, довольная, и вместо форточек, теперь буду лазать по стенкам. Теперь и воровать ничего не нужно. У меня всё есть. Даже конфеты.

А если серьёзно, то мне сказочно повезло, что и с соседкой по комнате мы поладили, и с тренером по скалолазанию... Новая жизнь мне определённо пришлась по вкусу.

Недаром Саша смотрела на меня плотно. Со второй тренировки она начала отрываться на мне так, что к концу занятия я становилась похожа на инвалида, у которого тремор по всему телу. Пальцы не могли удержать даже пластиковый стаканчик с водой. А уж как я шла

домой... Уговаривала каждую свою ногу сделать ещё и ещё шажочек. Эх, такого коварства от скалолазания я не ожидала.

На кухне я не смогла отрезать себе ломоть хлеба с колбасой. Даже дотянуться до пакета с конфетами, который лежал на верхней полке, я смогла только из всеобъемлющей любви к сладкому.

Нина Алексеевна, наша воспитательница, думала, что это младшие бессовестно тырят сладости, и прятала их повыше. Но я ползала за вкусняшками и на восьмой этаж. Что мне какой-то шкаф? Так что план воспитательницы провалился.

К отдельному виду издевательства над искусством можно отнести мою писанину в тетради после тренировок... Наскальные рисунки древних людей отдыхают. Бедные учителя. Даже я не смогла бы прочесть свои каракули контуженной однолапой курицы.

После тренировок, отдохнув часок, я вместе с Таней ходила в дом малютки.

Малышка-Аришка одновременно отталкивала и притягивала меня к себе. В третью встречу я пересилила себя и взяла её на руки. Что-то перевернулось во мне в этот момент. Я прижимала к себе кроху и плакала. Ничего не могла с собой поделывать.

А малышка спала, не подозревая ещё, какими увечьями «наградила» её судьба. Я решила, что буду её любить. Может, моя забота хоть немного скрасит ей жизнь.

С того дня, как взяла Аришку на руки, я поняла: если брошу её, никогда себе этого не прощу. Смешно, конечно. Что я могу ей дать? Поводиться с ней пару часов, спеть песенку, не попадая в ноты, покормить из бутылочки... А мне бы хотелось собрать денег ей на операцию.

И тут меня осенило: я обращусь к директрисе, скажу, что готова работать уборщицей, чтобы заработать на операцию Аришке. Или пойду к директору школы и пройду по классам. Авось, сколько-нибудь да насобираю.

Мои благородные предложения оскорбили Эверест, ой, то есть Эвелину Захаровну. Её массивная фигура заколыхалась от моих слов и ещё больше набухла.

– Чтобы нас всех засудили за использование детского физического труда и подталкивание к попрошайничеству? – её пухлые губы шевелились так, будто она вот-вот раззявит пасть, чтобы откусить мне голову.

Ну а что я хотела? Эвелина Захаровна с первого дня меня невлюбила. Хорошо, что я с ней почти не встречалась.

Странно только, что мне предложили ходить на скалолазание. Щедро с их стороны, между прочим.

Может, Эверест в душе добрая, а снаружи злая? Может, ей просто всегда тяжело и она плохо себя чувствует? Если бы на меня повесили пятидесятикилограммовую гирю, я бы тоже ходила хмурая. Встала – устала. Шаг – землетрясение. Второй – извержение... Кошмар!

Как бы то ни было, а все мои предложения по поводу операции для Аришки отклонили. Даже то, что мне уже шестнадцать, и я имею право работать неполный рабочий день, Эверест не убедило.

«Скала, а не женщина, – сделала я вывод. – Ну а я-то будущий скалолаз, так что мы ещё посмотрим!» – с этой мыслью я покинула её кабинет и... отправилась советоваться с более понимающей и менее грозной Ниной Алексеевной.

Воспитательница крепко призадумалась. Может, конечно, она думала, а не добавить ли ещё лаврового листа в суп, так как своей тирадой я отвлекла её от приготовления обеда. Спустя где-то минут пять, когда я уже отчаялась получить ответ, Нина Алексеевна отмерла:

– То, что ты готова заработать на операцию ребёнку, это конечно, похвально. Но, во-первых, здесь нужна не одна операция, а две или даже три. Во-вторых, тебе учёбу надо навер-

стывать, ты и так пропустила два года. В-третьих, у нашего детского дома есть спонсорская поддержка. Можно направить запрос в администрацию и ждать ответа оттуда.

– Странно, почему Эвелина Захаровна не сказала мне об этом? Ведь можно было уже написать запрос и отправить! – взволнованно сказала я.

– Тут всё не так просто. Заячья губа не является показанием к неотложному лечению. Когда я работала в другом детском доме, у нас был семилетний мальчик с таким же диагнозом. Когда я увольнялась, его ещё не прооперировали и не собирались. Здесь же есть шанс на успех. Благодаря спонсорской поддержке у нас хороший ремонт, мебель и даже пять компьютеров в читальном зале. Но официально дом малютки – это другое учреждение. А спонсорская поддержка одна на две организации. Вот они и тянут одеяло друг на друга, – рассказала Нина Алексеевна.

– Так, значит, мне надо было подойти к директору дома малютки? – дошло до меня.

– Попробуй, если уж очень хочешь помочь, – улыбнулась мне воспитательница.

Чем-то она напомнила мне Нинка... Не только именем, а вот этой спокойной неконфликтной натурой. Эх, надо бы проведать своих бывших соседей по гнездышку.

Директор дома малютки, Галина Николаевна, внешне полная противоположность нашей Эверест, посетовала, что у них скудное финансирование и сейчас приходится «затягивать пояс», но, как только появятся свободные средства, Аришкиной заячьей губой займутся.

Вроде бы прозвучало обнадеживающе, но ничего определённого. Чутьё подсказало мне, что замнут вопрос. Как пить дать, замнут.

Галина Николаевна для пущей убедительности показала мне на своём компьютере папку с запросами на обеспечение. В запросе на следующий месяц были заказы на питание, расходники, средства гигиены, ещё куча статей. Сумма получилась приличная. Только вот по квоте почти не оставалось средств на операцию для Аришки.

«Ну неужели не сэкономить на чём-нибудь другом? – недоумевала я. – Что они, совсем равнодушны что ли к чужому горю? Тут на кону судьба ребёнка!»

И вот стою я перед директрисиним компьютером, гляжу на папку с файлами и понимаю: Аришкиной операции – быть! Всего-то надо пробраться сюда вечером, когда Галина Николаевна уйдёт домой, залезть в компьютер и отправить новый запрос. А там уж он уйдёт в администрацию и его увидят влиятельные дяди и тётки. Хоть кто-нибудь проникнется к Аришке состраданием и поможет.

Сказано – сделано.

Первым делом я побежала в библиотеку – читать, что это за болячка такая – заячья губа и как она лечится.

Сумма лечения, как выяснилось, не такая уж страшная. Просто в зависимости от степени «зайчиковости» нужно оперировать в два или три этапа. Плюс заблаговременно встать в очередь на операцию и ещё куча всего.

Но ведь деткам-то делают! И малыши после операции становятся такими красивыми и счастливыми! Бот бы и Аришке так.

Чтобы помочь малышке, не грех пойти на ма-а-аленький такой незаметный криминал...***

На разведку обстановки и составление плана у меня ушла неделя.

В один из вечеров я по обыкновению пришла водиться с малышами, задержалась у них чуть дольше, спустилась на первый этаж к сторожу – попросить ключ от кондейки, чтобы вытереть шваброй якобы пролитую на пол молочную смесь. Вместо одного ключа я взяла два.

Хоп – и директорский кабинет, тёмный и пустой, открылся мне.

Я прикрыла за собой дверь и принялась за дело. Включила компьютер, а там... пароль! Я чуть не взревела от досады. Ну ёжик ты кот, Галина Николаевна!

А потом мой мозг начал судорожно работать: раз я тут, надо хотя бы попробовать перебрать пароли. Чем судьба не шутит?

«qwerty» – нет.

«123» – нет.

«12345» – нет.

«1234567890» – ура! Да я супер взломщица!

Папка «Документы» на диске «D», последний файл...

Второпях я машинально уменьшила все непродуктовые позиции вдвое, а последней строкой вписала Аришкину операцию по лечению заячьей губы с примерной стоимостью лечения.

В браузере, где уже было открыто окно с авторизованной электронной почтой, я кликнула на раздел «отправленные», нашла, на какой адрес подаются запросы, сварганила письмецо, прикрепила к нему файл... И вуаля! Документ улетел в администрацию!

Я быстренько закрыла программы, выключила компьютер и незамеченной выскользнула из кабинета.

Трам-пам-пам!

Засыпала я, довольная своей смекалкой. Утром, всё ещё взбудораженная своим смелым поступком, отправилась в школу, отучилась...

А в детском доме меня уже поджидали целых две разгневанных директрисы.

«Опачки... – напряглась моя филейка. – Может, прав был дядька Сашка? Бить будут?»

Но нет. Меня не били. Зато словами опустили так, что я пожалела, что родилась на свет. Особенно задели формулировки: «будет рассмотрен вопрос о переводе тебя в другое, менее приятное учреждение», «ни ногой в дом малютки» и «малолетняя преступница».

Я-то, может, и преступница, но всего лишь хотела помочь Аришке. А оно вон как обернулось... Теперь меня к ней и не пустят. И операцию ей вряд ли сделают, раз всё так быстро раскрылось. Надо было придумать способ поумнее. Но ничего, где наша не пропадала. Мы ещё повоюем!

Глава 7. Охота на подкроватного монстра

Зря Эвелину Захаровну прозвали Эверестом. Такая аналогия знатно портит репутацию самой высокой в мире горы. Величественная горная снежная шапка не идёт ни в какое сравнение с меховым норковым набалдашником нашей Эверест.

И объясните мне, зачем на шапку вешаются шарики из меха? Когда наша Эверест гордо вышагивает по улице, шарики, болтающиеся на ниточках на её шапке, такие тынц-тынц-тынц...

Эвелина Захаровна похожа больше не на директрису, заступницу сиротских душ, а на охотницу за норковыми мошонками. Ой. Что-то меня распирает от «любви» к этой женщине. Мне никогда не понять такого извращения с меховыми шариками. И ради этого убивают животных.

В общем, не Эверестом её надо было прозвать, а Снежной Коров... Нет, не так. Эвелиной-истребительницей норок... Нет, не звучит. Для злобной героини харизмы ей не хватает катастрофически.

Эх, оставайся же ты Эвелиной Захаровной, так уж и быть. Только меня больше не трогай и пальцем своим сарделькообразным с нанизанными на него двумя золотыми колечками мне не грози. Не то я меховые шарики-то тебе поотрываю, останешься без трофеев.

Если Эверест думала, что, испепеляя меня презрительными взглядами, как-то пристыдит меня, то она глубоко ошибалась.

«Слова-слова, одни слова...» – мысленно напевала я, когда вспоминала её угрозы.

Никуда меня не перевели. Скалолазания не лишили. В чулан или изолятор не посадили. Живём!

Только вот вход в дом малютки мне был заказан. Таня с Машенькой ходили туда без меня. А я тосковала в своей комнате и питала надежду, что история эта вскоре забудется.

Может, сторож, которой Галина Николаевна строго-настрога велела не пускать меня, уволится, а новая не будет знать меня в лицо? Всякое же бывает... Или через крышу буду ползать, по пожарной лестнице. Не то как там Аришка без меня?

На удивление, Нина Алексеевна и Алёна Евгеньевна встали на мою сторону. Нет, конечно, они обе пожурили меня и сказали, что так делать нельзя, но в их глазах я осталась доброй девочкой.

Только от их отношения обе директрисы – та, у которой туго завязан пояс, и та, на которой пояс не сходится, – не перестали смотреть на меня, как на врага народа.

А Эверест зачем-то вызвала меня к себе ещё раз. Наверное, накопила в своей хищной пасти новых пакостей и решила излить их на меня. Срочно, пока не забыла.

У меня в этот день как раз не было тренировок по скалолазанию, и я сразу после уроков вернулась в детдом. На свою голову.

Захожу я в директорский кабинет, а там... Сидит Костя, тот самый, что сдал меня в детдом. Весь такой благородный, с иголочки одетый в серо-голубую рубашечку и пиджачок. У-ух! Аж бесит!

Обида разъедающей кислотой всколыхнулась у меня в душе.

«Сидят двое, – комментировал мой внутренний ворчун. – Обманщик и жирная Эверест. Чаёк попивают...»

А дальше, клянусь, всё случилось как-то само. Моя рука схватила Костину чашку, и обжигающе горячий чай оказался на его физиономии.

– Ай! – вскрикнул он.

– Ненавижу тебя! – от всей души выпалила я. – Ненавижу! Гори в аду, козёл!

Костя закрыл руками лицо и отвернулся. Видимо, в чашке был кипяток, раз его так пере-
косило.

– Константин Николаевич, о господи! – трагически воскликнула Эвелина Захаровна и
подскочила к нему с невесть откуда достатым полотенцем. – Сильно обожгло? За стенкой есть
туалет с раковиной. Сходите ополосните лицо. Авось, обойдется без ожогов.

И Костя, выставив одну руку вперёд, чтоб никуда не врезаться, вышел.

– Ты что творишь, маленькая дрянь?! – грозовой тучей нависла надо мной Эверест. –
Пшла вон, паршивка неблагодарная! – прошипела она. – Мерзавка!

Меня не нужно просить дважды. Я вымелась вслед за Костей и припустила по коридору
со всех ног.

«Ой-ёй, – напряглась моя филейка. – Дело-то пахнет жареным. После такого точно будут
бить. Спасай меня!»

Да уж. Вытворяет буйная голова, а получает за это попа.

Но ничего. Пусть эти взрослые знают, что Наташа не на помойке себя нашла. И даже если
на помойке, то не им меня судить.

***Я влетела в комнату, торопливо захлопнула дверь и вжалась в неё.

На своей кровати полулежала Таня с Машенькой в одной руке и учебником в другой.
Малышка с упоением посасывала мамину грудь.

– Ты чего опять? – удивилась моя соседка.

– Хана мне, – выдала я. – Короче, если что, меня нет, – с этими словами я шмыгнула
под кровать.

– Если что – это что? – не поняла Таня.

– Прикрой меня. Потом расскажу.

Пролежала я, как дурочка, под кроватью минут пять, и уже собиралась вылезти, как в
дверь постучали.

«Вряд ли это Эверест. Та вломилась бы без стука, а от топота её ног случилось бы зем-
летрясение. Нина Алексеевна стучится по-другому. Значит, это... Ох, нет! – догадалась я. –
Мало ему было кипятка...»

Таня оторвала Машеньку от груди и застегнула халат.

– Кто там? – крикнула моя соседка с кровати.

Дверь плавно открылась, а я из своего тёмного подкроватного уголка увидела мужские
ботинки.

– Константин Николаевич, здравствуйте! – пропищала слащавым голоском Таня.

«Да твою ж налево... Явился», – выругалась я про себя.

– Где Наташа? – спросил он.

– Э-э... Наташа? – затупила моя соседка. – Э-э... Да нет её вроде бы...

Вот запустить бы в неё тапкой! Что значит «нет вроде бы»? Н-ну Таня! Если этот козёл
сейчас под кровать заглянет, быть войне! Фанатка хренова...

– Вроде бы? – переспросил Костя.

– Д-да, точно нет. Я не знаю, где она, – наконец-то выдала соседка что-то более-менее
убедительное.

– Ясно. Тогда передай ей... – он нервно вздохнул и передумал. – Нет, ничего не переда-
вай, – и вышел.

Дверь захлопнулась, за ней послышались удаляющиеся шаги.

– Нат-таш-ша... – медленно произнесла Таня. – Эт-то ч-что с ним?

– Я тебе так скажу, – очень важно ответила я, вылезая из-под кровати. – Сочтены мои
деньки здесь.

– Э-э, ты объяснишь, что случилось или как? – теряя терпение, потребовала моя соседка.
– В общем, меня вызвали в кабинет к Эверест, а там – он. Ну, я и облила его чаем за всё хорошее.

– У-у... Хана тебе, – заключила Таня. – Эверест тебе такого не простит.

– Вот и я о чём, – кивнула я. – Линять мне пора.

– А, может, лучше не надо? На уши всех поставишь – ещё хуже будет.

– Надо, Вася, надо, – сказала я, вытаскивая пожитки из шкафа и засовывая их в пакет. Взяла только необходимый минимум. В бомжатнике вряд ли пригодятся белые блузки. – Помоги мне.

– Как?

– Если я с этим баулом пойду по коридору, меня точно никуда не пустят. Я выйду, встану под окно, а ты мне его скинешь. Идёт?

– А как я тут без тебя-то буду? – не поняла Таня. – Ты опупела что ли бросать меня?

– Да я б ни за что... – развела я руками. – Но ведь сама понимаешь.

– Угу, – буркнула соседка и надула губы.

Как только стемнело – а темнеет в декабре рано – я вышла на улицу «проветриться», завернула за угол дома, встала под окно, благополучно поймала пакет с одеждой... И прощай, детдом!

Я буду скучать по чистой тёплой постельке, Танюхе и малышам... А ещё по скалолазанию! Ведь своим исчезновением я разобью Сашино сердце и зарю в землю бриллиант.

Зато теперь у меня есть паспорт с настолько упоротой фотографией, что Таня, взглянув на неё, ржала минут пять. Глаза на фотке наполовину дурные, запечатлённые в процессе моргания. А лицо такое, как будто я изрядно выпила и пытаюсь доказать фотографу свою правоту, и неважно, в чём.

У кого что, а я моргаю от вспышки. К тому же не умею позировать. Остальные фото из той серии смело можно было бы выставить на конкурс самых неудачных снимков. Пальмовая ветвь самого плохого позёра досталась бы мне.

О чём это я? Ах да, у меня теперь есть паспорт, полис и прочая бюрократическая трюха. Без бумажки я букашка, а с бумажкой – человек. Вот пересажу годик с небольшим в гнёздышке, а потом как выпорхну, да как устроюсь на работу и заживу припеваючи.

Ну а что? Два года прожила, скитаясь по чердакам и ползая по форточкам. Проживу и ещё чуть-чуть. Где наша не пропадала.

Я обещала навестить деду Васю с Нинком, вот и навестила. Правда, я не собиралась возвращаться к ним жить. А оно вон как вышло.

В гнёздышке жизнь как текла с черепашьей скоростью, так и осталась. Всё по-старому. Тот же костёр на первом этаже, покрытые копотью стены, те же горы зловонных тряпок и заколоченные окна.

Приняли меня обратно душевно, обняли и густо обдали тошнотворным душком. Всё-таки за месяц в детском доме я отвыкла от бомжатника.

– Ну что, – спросил дядька Сашка, – осчастливила уже какого-нибудь мужика своей лункой? Вон, шмоточки, я смотрю, на тебе модные. Щедрый попался кавалер.

– Да что б ты знал, дя Са, – отмахнулась я от него. – В детдом меня забрали. Отстань со своими мужиками, кобель вонючий.

А вот Нинку я подробно расписала свои приключения за чашечкой чая с окаменевшими печенюшками. Эх, не встречала я более благодарного слушателя, чем Нинок. Мировая женщина. Жаль, что живёт в таких условиях.

Мне наговорили кучу милостей о том, что всё самое лучшее у меня ещё впереди, что и мужа-то я найду себе приличного, богатого, честного, да вырасту красавицей и умницей... Ах, как приятно слушать, ушей не оторвать!

Как в старые добрые времена, я улеглась ночевать в обнимку с немывтыми моими добряками. Не то холодно. Разнежилась я в тепле, теперь вот снова привыкать к спартанским условиям. Эх...

Всю ночь я не спала. Ворочалась, мёрзла, прятала нос от смрадного запаха. Ужас. Как я раньше этим всем дышала?

Пожалуй, пора мне найти себе новое пристанище. К примеру, попроситься жить в другой детдом. Или найти отапливаемый чердак, где не так воняет.

Жаль, конечно, будет расставаться с Нинком и дедой Васей, который после инсульта почти не ходил и не говорил. Но, чувствую, мне здесь больше не место.

«Утром же отправлюсь на поиски нового пристанища», – решила я.

Однако на следующий день я увидела, как под козырьком ближайшего подъезда расклеивают ориентировку... с моей, не самой удачной, физиономией! Той самой, из паспорта. Расклейщик аж подпрыгнул, когда узнал во мне разыскиваемую личность.

«Оп-па-па! – заволновалось моё самое мудрое место. – Дёру! Дёру давай!»

И я, понимая, что сейчас меня могут узнать все кому не лень, снова юркнула в гнёздышко и затаилась.

А вечером... гнёздышко накрыли. Меня, в обнимку с пакетом пожитков, выволокли на улицу и посадили в УАЗик, как распоследнюю преступницу.

Замели братцы.

«Да вашу ж петрушку... – вздыхала я. – Надо было на чердаке прятаться...»

В отделении милиции за столом для допросов меня уже ждал Костя.

– Она? – спросил у предателя дядька в форме.

– Она, – подтвердил обманщик.

Я села и подпёрла щёки кулаками. Пусть хоть спрашивают меня, хоть пытаются – ничего не отвечу.

– Что же ты творишь, Наташа? – воззвал к моей совести Костя.

Молчу.

– Мне известно, что ты проникла в кабинет директора дома малютки и отправила письмо. Я понимаю, что у тебя были благие намерения, но это подсудное дело. Ты это понимаешь?

«Ой, какие все правильные стали! – мысленно ворчала я. – А когда я хотела сама заработать Аришке на операцию и открыть благотворительный сбор, меня послали куда подальше. Вот пусть теперь им будет стыдно, а не мне».

– Это лучшее место, куда я мог тебя пристроить. У тебя есть практически всё. Зачем ты портишь себе жизнь? – снова обратился ко мне Костя.

Сижу в прежней позе, разглядываю царапинки на металлическом столе и молчу. Слишком много чести – разговаривать со всякими там предателями. Ничего он от меня не добьётся.

– Что ж ты такая трудная-то, Наташа? Как я смогу тебе помочь, если ты то бросаешься на меня, то молчишь?

И это не сработало.

«Ишь, помочь он захотел... – скептически фыркнуло моё внутреннее эго. – Нашёл доверчивую дурочку. Молчим. Делаем вид, что нам всё до фени и молчим...»

Этим же вечером меня доставили обратно в детский дом, только уже не на милицейском «козелке», а на Костиной иномарке.

Всю дорогу меня пытали. Ну, как пытали... И доканывали расспросами, и пытались жалобить, и тяжело вздыхали. Всё тщетно. Я – крепкий орешек.

Перед тем как выпустить меня из машины, Костя сказал:

– Завтра я поговорю с директором, чтобы она не приставала к тебе. Но, пожалуйста, больше никакой самодеятельности! – от нажал на кнопку, и замок у двери автомобиля щёлкнул. – Всё, иди.

Наташу не нужно просить дважды. Секунда – и я выпорхнула прочь.

В комнате на меня налетел ураган по имени Таня.

– Преступница-то моя верну-у-улась! – повисла она на мне и чуть не сделала из живой преступницы неживую. – Фу, ты по помойкам что ли ползала? – Таня скривила лицо и с ужасом уставилась на свой халат. – Это я тебя такую ещё и обнимала! Фе!

– Ой, какие мы нежные! – ответила я и показала соседке язык.

Но Таня была права: запах – тот ещё. Самой бы смыть себя бомжатниковый душок, а потом – спать на чистой мягкой постельке! Не то после бессонной ночи и всех этих розысков и допросов я вымоталась. Все новости – завтра.

А днём, после школы, Таня сообщила мне очешуительную новость: малышку-Аришку поставили в очередь на операцию! Моё письмо попало куда нужно. Алёна Евгеньевна велела передать мне спасибо.

Ну, что я могу ещё сказать? Ура! Всё было не зря!

Глава 8. Первое свидание и голуби

Несмотря на то, что Костя поговорил с директрисой, Эверест сотворила мне подлянку чужими руками.

Мой поступок предали огласке перед всеми детьми. Эвелина Захаровна поставила меня лицом к товарищам по детдому и объявила, что из-за моего поступка никто не получит новогодних подарков. Провинилась я, а накажут всех. Это нам в назидание, чтобы не повадно было нарушать правила.

Сначала я насмешливо фыркнула: мол, Аришкино здоровье стоит куда дороже каких-то там безделушек. Но потом, после открытого порицания, Таня мне всё прояснила: подарки – это единственное, что скрашивает унылую сиротскую жизнь. Многие дети только и ждут дня рождения или Нового года, чтобы получить сюрприз. А я, гадина такая недальновидная, лишила сироток радости.

И чем ближе к новому году, тем сильнее росло общественное осуждение меня. На двери нашей с Таней комнаты появилась надпись «Пестова – крыса!!!», неряшливо выведенная белой замазкой. И сколько я её ни стирала, на следующий день надпись появлялась снова.

В мой новенький светло-бежевый пуховик кто-то сунул разбитое тухлое яйцо. Ткань настолько пропиталась зловонной яичной слизью, что снаружи расплзлось уродливое тёмное пятно. Ужас...

Эх, ребята-ребята, не ту вы крысой обозвали.

Я, конечно, понимаю, что все мы сироты и отказники, и состраданию ближним нас никто не учил, но я не хотела лишать подарков всех. И не я придумала такое наказание.

Пуховик-то я отстирала за два раза. И походила несколько дней в тонкой осенней куртке, пока он сохнет. Прохладно, да ладно.

Но тот, кто напакостил мне, не заслуживает подарка. Так что поделом!

Вторая четверть лениво доползла до своего конца и зазвенела новогодними колокольчиками.

А если по существу, то по геометрии и химии мне за четверть поставили тройки. Печально. По всем остальным предметам я выклянчила у учителей четвёрки, а по географии и физкультуре и вовсе сделалась любимицей и отличницей.

Всё равно обидно. Вот, Таня в десятом классе, с ребёнком – и всё равно хорошистка. Поставила себе цель выучиться на педагога-воспитателя и идёт к ней.

Я, сколько ни пыталась задуматься, кем пойду работать, ничего в голову не приходило. Только если спорт. Но разве это профессия?

Так что остаётся мне скалодром покорять да спать в обнимку с учебниками.

Угадайте что?

Тридцатого декабря к нам в детский дом приехала делегация – дарить подарки.

Эвелина Захаровна, конечно же, выставила щедрость спонсоров как свою заслугу. Мол, выползала на коленях (или на пузе), моля о празднике для бедных сироток, ага.

Все дети тут же про меня забыли, а я забыла про них, потому что... среди делегатов заметила Костю.

Что же меня тянет бегать, прыгать и на голове стоять, когда его вижу? Беда просто.

Вот смотрю на него, а самой хочется вытворить что-нибудь этакое. Мысленно я прокрутила в голове, какой переполох могла бы устроить, если бы была совсем дурочкой. Сердце в груди отбивало ритм колёс скорого поезда. Тудух-тудух, тудух-тудух...

Эверест сверлила меня своим фирменным плотоядным взглядом, как бы говоря мне, что я, убогая, не достойна даже самого захудалого подарка.

«Ну и ладно. Мне всё равно ничего не надо», – мысленно ответила я ей и показала фигу. Тоже мысленно, разумеется.

Тем временем младших уже одарили всевозможными игрушками, и процессия плавно двинулась к старшим, то есть ко мне в том числе.

Костя взял подарочный пакет с подоконника, стоявший отдельно от остальной горы коробочек, и направился в мою сторону.

«Ой, пройди мимо, – взмолилась я про себя. – Меня нет. Фу! Это не я! Кыш, кыш!»

Увы.

– Привет. Это тебе. С Новым годом! – сдержанно поздравил он, будто забыл, как я облила его кипяточком.

Я опустила взгляд в пол, спрятала руки за спину и отрицательно покачала головой.

– Наташа, возьми подарок, – всё ещё вежливо попросил он.

– Мне не нужен подарок, – ответила я. Хотела сказать это уверенно, как сильная и независимая героиня фильма, а получился лепет провинившейся первоклашки. Ну что за ёксель-моксель!

Неловкую паузу нарушил плюгавенький мужичок с блестящей лысиной.

– Вы и есть та самая девочка, которая подделала письмо? – спросил мужичок, однако без обвинительных интонаций в голосе. По его улыбке я поняла, что он находит ситуацию забавной.

– Да, Игорь Анатольевич, это Наташа, – за меня ответил Костя.

Я почувствовала себя совсем уж лишней на этом празднике и поддалась порыву – сбегала. Всё равно не верю в Деда Мороза. И не нужны мне ничьи подачки. Ишь, раструбили мою историю на весь белый свет! Сами, можно подумать, святые младенцы с розовыми пяточками.

«Может, под шумок пробраться в дом малютки и провести Аришку? Актовый зал-то на оба учреждения один. Вон, мелкие ещё хоровод будут с Дедом Морозом водить...» – я притормозила у окна на лестничном пролёте между первым и вторым этажами и задумалась, есть ли у меня шанс увидеться с малышкой-Аришкой. И это было... крайне опрометчиво.

За моей спиной откуда ни возьмись возник... Да ёжкина картошка, ну за что-о-о?!

– Наташа, объясни мне, что с тобой происходит? Почему ты отказываешься от подарка?

Я сделала попытку шмыгнуть вверх по лестнице, но Костя преградил мне путь.

– Сначала ответь, – сказал он.

– Мне от тебя ничего не надо. Отстань от меня уже! – более убедительно, чем в прошлый раз, ответила я и посмотрела на него сердито, с прищуром.

– Я беседовал с Ниной Алексеевной. Она говорит о тебе как о доброй отзывчивой девочке. Так почему ты так странно ведёшь себя со мной? Чем я тебя обидел?

– Чем? – от горьких воспоминаний, как я попала в детдом, в глазах предательски защипало. – Тем, что ты обманом затащил меня сюда!

– Как я ещё должен был поступить?

– Оставить меня!

– Оставить на улице? Или у себя? – не понял он. – У тебя даже документов не было, как бы ты жила без них? И разве тебе здесь плохо?

Как раз сейчас мне стало так плохо, что ни слова из себя я выдавить уже не могла. Поэтому – бегство и ещё раз бегство.

Костя, не получивший ответов на свои вопросы, перехватил меня рукой за плечи, и я не нашла ничего лучше, как... укусить! Под моими зубами что-то ощутимо хрустнуло. Ещё чуть-чуть, и отведаю живого мяса. Пусть знает, как лапать меня!

– А-а! – коротко вскрикнул мой мучитель и всё-таки отпустил.
Фух! Свобода! Дёру!

Вечером меня опять вызвали на ковёр к Эвелине Захаровне.

«Неужели, гад ползучий, пожаловался директрисе, что я его укусила? Вот ведь...» – возмущалась про себя я.

Однако Эверест всего лишь всучила мне злополучный пакет с подарком и сказала, что я, тварюшка неблагодарная, должна в ножки кланяться нашим инвесторам и принимать всё, что они дают. Главную мысль директриса до меня донесла: не возьму подарок – будет хуже.

Ну что ж, пришлось взять. Лишь бы отстали.

А в коробочке лежал новенький мобильник и уже активированная симкарта. Оп-па-па...

На новогодних каникулах Таня вытащила меня кататься с горки. Такими детскими забавами я давно не занималась, но мне понравилось отбивать мягкое место, подпрыгивая на ледяном трамплине.

Колясочка со спящей Машенькой мирно стояла в безопасной зоне возле горки, а мы, облепленные снегом с ног до головы, отрывались на льду.

Таня – ей палец в рот не суй – выпросила у парней мягкую ватрушку. Дело плавненько перетекло в совместное катание, и вот мы уже по очереди катаемся на бедной ватрушке парами: Таня с Димой, а я с Матвеем.

Кататься на ватрушке – это, конечно хорошо, но как по мне, съедобные ватрушки всё же лучше. Да и вообще парни меня не интересуют.

Ребята оказались чуть старше нас, уже учились в колледже. Оба – домашние, весёлые, бойкие. Приехали сюда из другого района города, чтобы покататься с большой горки.

Мы с Таней умолчали о том, что мы детдомовские, не хотели отпугивать ребят. Уж больно они симпатичные (по мнению Тани).

Как-то без моего участия все договорились, что в следующее воскресенье у нас будет парное свидание. Моего согласия вовсе никто не спрашивал.

К назначенной дате бабахнули нешуточные морозы.

Птички у нас под окнами жалобно нахохлились, и я, выпросив у нянечки пакет овсянки, вышла их покормить.

«Бедняги, – пожалела их я, насыпая в кормушку горсть овсяных хлопьев. – Мне вон и в пуховике холодно, а вы такие маленькие и в перьях...»

Оставшиеся в пакете хлопья я сунула в карман и благополучно об этом забыла. Ибо птички птичками, а для свидания погода неподходящая, да и настроение не то.

Я так и сяк пробовала отговорить Таню идти гулять, но куда там: она оставила Машеньку в детской комнате и уже всю навела марафет.

А раз отвертеться от свиданки не удастся, надо хоть одеться потеплее. Я надела на себя водолазку и сверху свитер, а на ноги – рейтузы и брюки. И даром, что полосочки рейтуз рельефно просвечивают сквозь брюки.

Таня при виде меня испытала культурный шок.

– Ты что?! – воскликнула она. – Детский сад что ли? А если они нас в кафе позовут? Как ты в таком виде понравишься Матвею?

– Да я и не собираюсь ему нравиться... – немного стушевалась я от Таниного напора.

– Ох! Значит, так: сейчас на кону моя судьба. Для нас, баторских, подцепить домашнего парня – это удача удач! Это пропуск в красивую жизнь! Машеньке моей папа нужен. Если ты испортишь мне свидание, я тебе этого никогда не забуду! Поняла?

– Эх... – только и ответила я, всплеснув руками и стягивая с себя штаны, а про себя добавила: «Исключительно ради Машеньки».

Встречу назначили на центральной площади в час дня (ибо вечером транспорт в нашу сторону ходит плохо, а в морозы – вообще не почти не ездит).

Моя соседка, желая окончательно и бесповоротно влюбить в себя Диму, надела сапожки на высокой танкетке и мини-юбку. А уж курточка на ней... Мы в гнёздышке называли такие «опёрдышами» за то, что они не закрывали от холода пятую точку.

Я же чисто из сострадания к подруге переделалась в синие брючки, розовый свитер, светло-бежевый пуховик до колен, шапку шоколадного цвета и сапоги-дутьши. Это максимальные жертвы, на которые я готова пойти ради соседки.

И вот Таня, разодетая и разукрашенная, взглянула на меня.

– М-да... Ну, то, что ты не отобьёшь у меня Димасика, это точно, – изрекла она. – Но ничего, с пивком потянет.

Я немного не поняла, кто и кого потянет с пивком. И причём тут вообще пиво? Я же его не пью.

Как оказалось, по твёрдому полу Таня ходит на своих высоченных каблуках куда лучше, чем по снегу, пусть и утоптанному. На улице она повисла на моём локте и отпустила только когда мы сели в автобус.

«Скорее бы с парнями встретиться. Пусть Дима таскает на себе такую красоту», – думала я.

Но когда мы пришли на площадь, ребят там ещё не было.

– Ну ничего, подождём, – поёжилась Таня и скрестила ноги, чтобы ляжки не так мёрзли. Нос у неё уже налился свёклой, но я предпочла не говорить ей об этом.

– Угу, – вздохнула я и принялась колупать сапогом снег.

Пять минут. Десять... Холодно, блин, стоять.

Чуть поодаль от нас так же безнадежно мёрзла стайка голубей.

«Эх, покормила бы я вас, но...» – и тут моя рука в кармане нащупала что-то шелестящее.

Спустя минуту я уже бежала к гулечкам, маняще потряхивая пакетиком с овсянкой.

Шурх – и птицы сплошным полотном покрыли место, куда я только что бросила хлопья. Ну, хоть кто-то счастлив. Не зря ехали через полгорода.

– Хоба! – подлетел кто-то ко мне со спины. – Приветтики...

– Уй, ё-моё! – от неожиданности вскрикнула я.

Это был Матвей. Птицы, которые в считанные секунды поглотили корм, испуганно взмыли вверх и...

Бдыщ! Бдыщ! – что-то шлёпнулось мне на пуховик.

Матвей, который ещё секунду назад стоял в метре от меня, как-то очень быстро отступил ещё на два и переменился в лице.

Вместо него ко мне подошли под ручку Таня с Димой. Моя соседка, взглянув на меня, залилась смехом:

– Суженая-ряженая... а-ха-ха! Птичками обгаженная! – и давай дальше ржать.

Ну вот говорила же я, что не хочу на свиданку. Надо было слушать интуицию, а не поддаваться на уговоры и шантаж Таньки. Ишь, она личную жизнь с моей помощью решила устроить.

Недолго смеялась моя соседка. Жиденькие зеленовато-коричневые лепёхи внезапно решили итог встречи. Ибо снегом я только размазала голубиный помёт по многострадальному пуховику, и смотрелось это колоритно, и внимание привлекало куда сильнее, чем Танина мини-юбка.

Матвей ко мне больше не подходил, хотя сам же, гад, напугал меня, а я из-за этого напугала птиц.

Дима, которому было как-то неловко крутить шуры-муры, когда у друга облом, тоже отвалился.

Ну а спустя полчаса унылой бродильни по центральным улицам у Матвея вдруг «заболел братик», и ему потребовалось срочно бежать в аптеку за лекарствами, а потом домой.

Нас не проводили даже до автобусной остановки. Срочные дела – они такие.

Таня вслух проклинала голубей, мол, столько стараний – и псу под хвост. А ведь из них с Димой вышла бы красивая пара! И у Машеньки появился бы папа, и общие детишки родились бы... Но из-за тупых летающих куриц и обгаженной подруги счастье махнуло крылом и скрылось в облаках.

А мне почему-то было радостно. Какашки ведь к деньгам. А парни меня и в самом деле не интересуют. Из них вырастают всякие там козлы.

Глава 9. Школьная любовь

Я думала, что в девятом классе девочки ещё не умеют дружить с мальчиками, но нет: умеют, и не только дружить, но и встречаться.

Так я узнала, что Герман (имя-то какое! Вау!) встречается с Линой и у них любовь. Герман даже на уроке физики вставал перед Линой на одно колено и кричал, что любит её. Надо же... Он такой красивый. Как Лина там в обморок не упала от счастья? А она просто мило улыбнулась ему, словно признания в любви для неё – обычное дело.

Мне вот никогда ещё не признавались в любви. А ведь это так здорово, когда тебя любят. Да ещё такие красавцы расписные. Это ж нужно набраться смелости, чтобы открыто перед всеми прокричать о своей любви. Не шутки ведь.

Я бы сама влюбилась в Германа, но он уже занят. Да и, чего уж там, слишком красив для меня. Я гожусь разве что отпугивать прекрасных девочек-бабочек, что порхают и липнут к нему, как мухи... к мёду.

Нет, ну серьёзно, полюбоваться на Германа прибежали даже девицы из других школ, не говоря уж о женской половине нашего класса. Ах, хорош!

Мой же удел – полюбоваться, получить эстетическое удовольствие и... отойти в сторонку.

Класс, в который меня перевели из старой школы, был как на подбор: детки из обеспеченных благополучных семей. Одна я сиротка, да ещё Оксана из многодетной малообеспеченной семьи.

Девочки на переменках развлекались тем, что выбирали себе обновки из каталогов с одеждой. Я же довольствовалась теми вещами, которые мне купил один... Как там его зовут?

Остальные необходимые принадлежности и предметы одежды мне предоставило государство.

Больше всего мне нравился мой спортивный костюм-тройка. Чёрный, с белыми полосками. Удобный, красивый, почти невесомый. Какой-то фирменный. Не я его выбирала, мне его принесли в пакете уже купленный, и он идеально подошёл. Чудеса, да и только! Я поклялась себе беречь его и стирать только руками.***

Однажды Эля, лучшая подружка Лины, забыла дома физкультурную форму и попросила у меня олимпийку, чтобы ей не поставили прогул (ибо в белой блузке на физру не пустят).

Я поделилась. Как от сердца оторвала.

После урока Элю, как назло, оставили дежурить в зале на целую перемену, поэтому я, переодетая, осталась ждать её в раздевалке.

Очень странное помещение было отведено нам под переодевание: коморка без окон с фанерной перегородкой посреди комнаты. А лампочка горела так тускло, что там вечно кто-нибудь что-нибудь забывал.

Прозвенел звонок на урок. Хорошо, что мне никуда торопиться не надо, физкультура стояла последней.

Вдруг в дверь ввалились двое, и один из них был явно не девочка.

Сначала я подумала, что кто-то решил подраться, но, когда парочка приблизилась ко мне, я поняла, что они целуются!

Двое закрыли дверь раздевалки изнутри на массивную кованую щеколду. Она очень скрипуче закрывается и открывается. Свет выключили. Лишь из-под потолка пробивалось коридорное освещение.

«Ну всё. Буду невольной свидетельницей чьих-то шур-мур», – с содроганием подумала я.

Высокий и сложенный, как аполлон, парень в оранжевой футболке – Герман. А на девушке... была моя олимпийка! Эля! Но как же так: ведь Герман – парень Лины, её лучшей подруги! Ну дела!

Двое так охали и ахали во время поцелуя, что не заметили меня в потёмках. Я на цыпочках пробралась за перегородку, подальше от них, но любопытство заставило меня выглянуть.

Олимпийка моя, небрежно брошенная на скамейку, начала сползать на пол. Буквально в метре от меня – только руку протяни. Эх, подхватить бы её и убежать прочь... Так ведь заметят, и несдобровать мне будет после увиденного.

Как в боевике: меня убьют за то, что я слишком много знаю.

Герман и Эля устроились на узкой скрипучей скамейке, которая будто бы озвучивала мои мысленные взывания о помощи. Чем они там занимались, можно только догадываться.

Больше я не выглядывала. Вжалась в перегородку и старалась дышать медленно и через раз. Я – мебель. Я ничего не вижу и не слышу. Отпустите меня домой...

Вот было бы эпично, застукай их здесь кто-нибудь, кроме меня. Ишь, взрослыми себя возомнили! Но ведь предусмотрительно закрылись изнутри, этикие пакостники.

– Ох, чёрт, ты забрызгал Пестовскую олимпийку... – сказала Эля, и они с Германом засмеялись без капли сочувствия к моей любимой вещице.

– Круто было, да? – довольный собой, спросил Герман.

– Улёт, – ответила наша одноклассница.

Они зашуршали одеждой, собираясь. А я вздохнула с облегчением, ожидая, что они вот-вот уйдут.

Вдруг перегородка, которую я подпирала плечом, с громким «пуньк!» отвалилась, и я вместе с ней полетела на пол, прямо к ногам малолетних развратников.

Эля завизжала, затем выдала:

– Она же всё видела! Твою мать! Я же говорила, что надо было идти ко мне!

– Ага, чтобы нас спалили по дороге? – огрызнулся Герман, затем посмотрел на меня и угрожающе прошипел: – Одно лишнее слово, и тебя не найдут. Ясно тебе, шмара подзаборная?

Может, я и подзаборная, но уж точно не шмара. Я, в отличие от некоторых, не предаю тех, кто мне дорог.

Но Герману нужно было что-нибудь ответить, и я отважилась:

– Шмарами подружек своих называть будешь, – голос у меня дрогнул, и я шмыгнула к двери, громко щёлкнула щеколдой и убежала. А моя многострадальная олимпийка так и осталась лежать на полу в раздевалке. Эх я, растяпа трусливая...

На следующий день Эля не вернула мне вещь по одной простой причине: она не потрудилась её поднять.

Когда я спустилась в раздевалку за олимпийкой, всё оказалось ещё хуже: её подобрала уборщица, она же обнаружила свежие следы того самого белого вещества и пошла со скандальным известием к директорше, Елене Сергеевне.

И вот я вместо того, чтобы слушать на литературе лекцию про М.Ю. Лермонтова, стою в кабинете директора, а на меня смотрят с укором, как на падшую женщину:

– Наталия, вы же понимаете, что мне придётся сообщить об инциденте тем, кто вас опекает? – спросила она.

– Всё не так... – начала было я, но Елена Сергеевна жестом показала, что мои оправдания ей даром не сдались.

– Свернуть с верной дорожки совсем не трудно. Сложнее потом разгрести последствия.

Это она о чём? О детях что ли? Ну уж нет! Видела я, как Танька со своим дитём мается. Чур меня, чур! Не нужны мне хахали.

И я, пристыженная за то, чего не совершала, была отправлена думать над своим поведением. Рассказать кому – Герман мне шею свернёт, а не свернёт, так превратит мой учебный процесс в кошмар.

На урок я не вернулась. Решила, что самое верное – это пойти в туалет и проплакаться как следует. Кроме вонючих школьных унитазов и раковин, и открыться некому. Ну что за жизнь...

Кому ещё хуже, чем мне, так это Лине. У неё подруга-предательница и парень-изменник. Только она об этом ещё не знает. А так как я буду молчать, то истина ей откроется ещё не скоро.

Несмотря на то, что я молчала и по широкой дуге обходила Германа и Элю, моя школьная жизнь превратилась в кошмар.

Лина как-то обо всём узнала. И понеслось...

После школы меня выловили, завели за гаражи, схватили за шкуру и натыкали носом в снег. Герман был вдвоём со своим другом, который помогал держать меня.

Они ещё хотели закидать меня снежками, но снег из-за внезапных мартовских морозов был не липкий, так что я отделалась десятиминутным унижением. Но и этого мне хватило сполна. Снег был грязный, весь в каком-то мазуте.

Наревелась я вдоволь, когда отстирывала свой прекрасный некогда бежевый пуховичок от чёрных масляных пятен.

И нажаловалась бы на обидчиков, только кто меня с моей репутацией падшей женщины будет слушать?

Но к тому, что ждало меня в детдоме, я точно не была готова: мне не поверили! Даже Нина Алексеевна, которую вызывали к директору школы, сказала мне так:

– Ты уже разочаровала всех нас. Можешь не оправдываться.

«Оправдываться? Вот ещё!» – хмыкнула про себя я.

В конце концов, моё тело – моё дело.

Дальше – больше. Меня отправили в женскую консультацию в смотровой кабинет, где выяснилось, что я... не девственница.

«Э-э... Что?» – в недоумении раскрыла я рот, когда мне предъявили за обман. Я начала судорожно припоминать, когда я могла потерять сознание или впасть в беспамятство, чтобы не запомнить такого яркого события, как первый секс, но ничего не пришло на ум.

Пусто.

Я всегда была в здравом уме и ясном сознании. Кроме дядьки Сашки, ко мне никто никогда не приставал с непристойными предложениями.

Вывод один: гинеколог перепутала. Может, у неё в этот момент глазки в кучку сошлись или она вспомнила, как от неё муж ушёл к молодой любовнице. Вот и подсуропила мне...

Но в ещё большее недоумение меня привело другое: откуда к моей девичьей чести такой интерес? Соседка моя, вон, ребёнка в подоле принесла – и ничего. А почто меня-то так пасут? Мне, на минуточку, уже семнадцать. Ещё годик – и тю-тю!***

Таня, к слову, мне поверила. Именно она встретила меня, рыдающую после тыканья лицом в сугроб, и отвела домой.

– Вечно ты, Наташа, влипаешь в истории, – вздыхала Таня. – Это ж нарочно не придумаешь...

– Ненавижу парней! Ы-ы-ы... – рыдала я.

– Да ладно? Тебя сам Герман Маркелов мордой в сугроб натыкал. Толпы его поклонниц могут только мечтать об этом, – то ли в шутку, то ли всерьёз выдала Таня.

– И его в первую очередь ненавижу!

– Надо же, Константин Николаевич слетел с пьедестала ненавидимых мужчин?

– Хватит меня уже дразнить! Не видишь, мне плохо? – срывающимся голосом провила я.

– Эх, да забей ты на них. Зато теперь у тебя иммунитет против маркеловских чар.

Тут Таня была права. С того дня Герман перестал казаться мне красивым. Улыбка эта его белозубая, пластмассовая, и сам он весь фальшивый. Фу! Даром такого не надо! Даже если на коленях приползёт.

Я представила, как Герман по иронии судьбы каким-то чудом влюбляется в меня и умоляет его простить. А я, такая холодная, отвергаю его. На душе как-то сразу стало радостнее.

Лина узнала правду не от меня, так что зря Герман с его дружкой отмудохали меня.

Ключиком к правде стала всё та же равнодушная уборщица. Подробностей я не знаю, но через знакомых знакомых Лина узнала эту грязную историю и сложила дважды два: моя олимпийка в тот день была на Эльке, да и ко мне Герман не проявлял ровно никакого интереса. С чего бы ему крутить шашни с серой мышкой? А вот Элька – та ещё вертихвостка.

Так закончилась школьная любовь Германа и Лины. А в новые лучшие подруги Лина избрала себе новенькую по имени Катя.

Передо мной так никто и не извинился. В глазах учителей я так и осталась лживой детдомовской оторвой. По школе расползлись слухи, что я распёха. Обидно, блин. Хоть школу меняй...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.